

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ

2

1

3

Дмитрий Николаевич Коровников

Адмирал Империи – 2

Серия «Адмирал Империи», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67034200

SelfPub; 2023

Аннотация

Пограничные звёздные системы Российской Империи атакованы ударными флотами Американской Сенатской Республики. Мы начинаем наши «Хроники» с описания одного из самых кровопролитных и беспощадных столкновений начала 23 века. В мировой историографии этот конфликт назван – «Второй Александрийской войной». В наши учебники истории, его первый этап, вошёл под названием: «Отечественная война 2215 года»...

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи – 2

Глава 1.

– Контр-адмирал Васильков, Военной следственной комиссией вам вынесено обвинение по следующим статьям:

1. Дезертирство на корабле из расположения собственной дивизии...
2. Угроза убийства должностного лица...
3. Срыв эвакуации промышленных модулей системы «Бессарабия»...
4. Передача трофейного военного линкора неизвестным людям...
5. Уничтожение космической крепости «Измаил», приведшее к гибели двух тысяч защитников её гарнизона...

По всем пяти вышеперечисленным пунктам членами комиссии вы признаны виновным и понесёте суровое наказание...

Голос главного военного прокурора звонко разносился по просторному полупустому отсеку линкора «Громобой» – флагмана Черноморского Императорского космического флота. В его главном аудиенц-зале, таком огромном, способном вместить в себя не менее тысячи членов экипажа, в данный момент находилось всего шесть человек.

Пятеро из них сидели за полукруглым столом в центре

помещения, а напротив них стоял я – тот, кому так важно и торжественно зачитывали сейчас расстрельный приговор...

– Признаёте ли вы себя виновным, Александр Иванович? – спросил прокурор, из-под очков посмотрев на меня.

– Идите к чёрту, господин Веригин, – устало огрызнулся я в ответ.

По крайней мере, четверо из пяти сидящих за столом были ошеломлены и обескуражены моим резким ответом.

– Васильков держите себя в руках, вы адмирал российского флота, как-никак, – возмущённо произнёс адмирал Самсонов – командующий Черноморским флотом, – и находитесь сейчас не на сходке местных авторитетов! К чему эти оскорбления в адрес господина военного прокурора? Попробуйте вести себя цивилизованно и спокойно выслушать до конца текст обвинения...

– Он спросил – я ответил, – коротко бросил я, решив окончательно перейти к манере общения контингента из мест не столь отдалённых, раз уж меня собрались к этому контингенту причислить.

– Я же говорил, что перед нами абсолютно неуправляемый, наглый и безответственный человек, – усмехнулся в ответ на мою фразу, контр-адмирал Гуль – командующий 27-й линейной дивизией и мой непосредственный начальник. – Как ему только такое высокое звание могли присвоить, это для меня остаётся большой загадкой. Но уверен, что по окончании следствия, подобное недоразумение будет

устранено...

– Хочу напомнить, что сегодняшнее заседание комиссии не является заключительным и окончательным обвинением, – сразу же перебила говорящего, Таисия Романова. – Как бы вам, господин Гуль, не хотелось снять погоны с контр-адмирала Василькова, этого вы сделать не сможете без приговора Военного Трибунала на «Новой Москве».

Я с нежностью посмотрел на мою маленькую защитницу, с которой был знаком уже много-много лет, хотя последнее время мы встречались очень редко. Вот кого мне действительно приятно было видеть сейчас, даже при таких скверных обстоятельствах...

Я так назвал эту девушку, потому как знал её очень хорошо и любил всем сердцем, будто свою младшую сестрёнку. Конечно, называть Таисию Константиновну – маленькой защитницей я на людях не мог, она же как-никак – великая княжна и дочь нашего досточтимого императора. Но когда нас не слышали окружающие, наедине, я любил каким-нибудь хлёстким прозвищем окрестить мою подружку, а потом наслаждаться её смешной реакцией на это. Забыв на время о комиссиях и обвинительных приговорах мои мысли вернулись на шесть лет назад, когда я первый раз увидел Тасю...

Это был 2209 год, звёздная система «Лида». Обстоятельства, при которых мы встретились и в дальнейшем подружались, достойны отдельного рассказа, и когда-нибудь я обязательно вам его опишу во всех красках. А пока могу лишь

сказать, что неожиданное приключение, свалившееся на нас обоих, сблизило меня с этой девушкой невероятно сильно. Не думал я тогда, что дочь императора станет мне другом и верным боевым товарищем...

Ладно, о нашем знакомстве расскажу как-нибудь потом, а сейчас к более насущной повестке. Итак, ваш покорный слуга стоит в данный момент перед следственной комиссией в качестве, как вы уже сами догадались, козла отпущения. По вековой российской традиции такого человека, на которого можно списать все беды, найти нужно было обязательно. Так самому спокойней и перед высшим руководством легче оправдаться. Не так ли господин Самсонов?

Я вздохнул и пристально посмотрел на командующего. Где тот флотоводец, которым мы все восхищались три года назад, когда Иван Фёдорович стал для нашего флота спасителем и героем. Он практически в одиночку перевернул ход войны с османами, остановил и погнал в изначальные координаты флот Северных Сил Вторжения султана Селима.

А кого я вижу сейчас перед собой? Адмирала, который проспал вторжение, который разделил Черноморский флот и разбросал его на расстоянии в шесть звёздных систем. Сколько раз я обращался к нему последнее время с просьбой обратить внимание на самое слабое место в нашей обороне – систему «Бессарабия». Что он мне на это отвечал? Устав от моих запросов на личную встречу и попыток доказать очевидное, Самсонов просто отмахивался от меня, как от недо-

едливого комара. Я то, не обидчивый, господин усатый адмирал, но здесь речь не обо мне, а о выживании всего флота.

И что мы видим? Я сейчас даже испытывал некое злорадство, наблюдая за растерянностью командующего. Кто оказался прав в итоге? Что теперь ты намерен делать, как спасти флот? Ведь дивизии Белова ещё далеко, а Дрейк уже на подходе...

В глаза мне посмотри, – хотел было я ему сказать, но благоразумно промолчал. – И теперь у тебя Иван Фёдорович хватает наглости обвинять меня, того кто предупреждал об опасности вторжения, и делать меня виноватым!

Самсонов действительно старался в мою сторону не смотреть и выглядел очень хмурым и озабоченным от всего произошедшего. Сам он на флагмане с двумя крейсерами поддержки и 2-й гвардейской дивизией появился у перехода «Бессарабия–Таврида», у сектора, где несколько часов назад шёл бой, как раз в тот момент, когда «Абдул Кадир» с группой кораблей совершил прыжок и погнался за мной и гражданскими транспортами.

У разрушенного «Измаила» в тот момент остались, сильно потрёпанные огнём батарей нашей крепости: дивизия адмирала Корделли и сильно поредевшая эскадра адмирала-паши Озкана. Когда неожиданно на радарх их кораблей появилась гвардейская дивизия русских, адмиралы сильно призадумались. Соотношение количества вымпелов по-прежнему оставалось за союзной американо-османской эс-

кадрой, но вот качество...

Корделли и Озкан видели какие линкоры и тяжёлые крейсера идут сейчас на них. А в эскадре, которую вёл Самсонов, действительно были только корабли этих двух классов. Никаких лёгких крейсеров и эсминцев поддержки, только огромные дредноуты прорыва. Так вот, союзники прилично испугались, что не смогут сдержать такой бронированный кулак, который приближался к ним из глубины космоса.

Тут же один из кораблей Озкана нырнул в соседнюю «Тавриду» с приказом для группы капудана-паша Каракурта – срочно возвращаться назад для усиления союзного флота. К тому моменту как такой приказ группе поступил, Яман Каракурт, как вы уже знаете, лежал с перерезанным горлом в одном из отсеков своего флагмана, который он называл «гаремом». А его «Абдул Кадир» был полностью захвачен моей разношёрстной абордажной командой. Приказ адмирала Озкана – немедленно возвращаться, выручил нас. Четыре османских крейсера, которые уже было окружали «Одинокий», развернулись и полетели назад на выручку своим.

Я, как и обещал Го Фэню и его гопкоманде, передал им управление над «Абдул Кадиром» и распрощался с этими шумными ребятами. Го Фэнь тогда сильно расчувствовался и в благодарность даже пообещал не вешать меня при следующей встрече... Да, можно обвинить вашего покорного слугу в таком опрометчивом поступке, как передача пиратам боевого корабля, тем более такого высокого класса. Но и без

помощи хунхузов «Абдул Кадир» я бы захватить не сумел, и «Одинокий» бы просто погиб в неравном бою...

Мог бы я не выполнить обещание после абордажа, наверное, тоже нет, так как с этим мне пришлось бы жить. Слово офицера, даже если оно дано вынужденно и врагу, не должно быть нарушено...

В общем, мы с пиратами разлетелись в противоположных направлениях. Я повёл крейсер к центральной планете системы, Го Фэнь поспешил к ближайшему переходу от того, с которого мы недавно прыгнули, чтобы успеть покинуть данный сектор, пока в нём не собралось еще большее количество боевых кораблей. Дальше, скорее всего, хунхузы постараются вообще оставить российские пограничные системы и уйти в нейтральное пространство. Но их дальнейшая судьба меня мало интересовала, я был рад уже тому, что мой корабль и экипаж выбрались из этой страшной переделки практически невредимыми.

Однако Военная следственная комиссия была другого мнения и выставила мою передачу трофейного корабля третьей стороне, отдельным пунктом обвинения. Что ж, если следовать букве закона, они имеют на это основания. Ай, одной расстрельной статьей больше, одной меньше, сейчас это уже не важно... Но обвинять меня в уничтожении «Измаила»! Этого я вам господа не забуду...

Что касается военных действий. Османские корабли, вернувшиеся из «Тавриды», подоспели вовремя. Они вышли из

портала как раз в тот момент, когда русская гвардия уже начинала теснить Корделли и Озкана. Появление у себя в тылу нескольких тяжёлых крейсеров, пусть даже без «Абдул Кадира», стало для Самсонова неожиданностью, и тот прекратил атаку. Противоборствующие стороны, потеряв по несколько вымпелов каждая, разошлись на безопасное расстояние для перегруппировки и выработки планов, что делать дальше.

Союзники решили не рисковать в данной ситуации. Многие из американских и османских кораблей нуждались в ремонте, к тому же захват «Абдул Кадира» стал для них шоком, для экипажей султана уж точно. Поэтому на совете, Корделли, который в отсутствии капудана-паши Каракурта, теперь уже окончательно взял на себя бразды командования авангардом, решил начать отход от межзвездного перехода, к планете Тира-7, для соединения с остальными кораблями своей эскадры.

Сектор сражения остался за Самсоновым, который тут же разослал приказы всем резервным подразделениям Черноморского флота, находящимся в системе «Таврида», идти к нему в «Бессарабию». Так же он первым делом послал срочное сообщение вице-адмиралу Белову, находящемуся во главе трех дивизий, на расстоянии в четыре звёздные системы от нас, немедленно идти на соединение с основными силами флота. Вся заварушка в «Бессарабии» произошла в первую очередь, потому что американцы хотели разрубить Черноморский флот пополам, отсекая именно группу Белова от

остальных дивизий...

В общем, спор за данную звездную систему был еще далек от завершения, и стороны начинали бешено копить свободные силы для решительного сражения...

Что касается меня, то, как видите, я без нагрудного знака, благо пока не в наручниках, стою сейчас перед столь уважаемыми людьми, лишённый командования собственным кораблем. Звания, как я понимал, похоже, также меня собирались лишить, да и жизнь потерять по таким обвинениям в условиях военного времени не стоило особого труда. Сколько же таких расстрельных пунктов расписали эти кляузники Веригин и Гуль.

Ладно – первый, он военный прокурор и за это его хлебом кормят. Странно было бы не получить от Веригина по голове. А вот контр-адмирал Аркадий Эдуардович Гуль, почему так яростно взялся меня топить? Нет, я знаю, что повод для этого у него имелся и не один...

С самого начала приписки «Одинокого» к 27-ой линейной дивизии, которой командовал данный адмирал, между нами пробежала кошка. Ни он мне, ни я ему, не понравились с первой нашей встречи. Причём особого повода для взаимной ненависти не было, но если вы знаете, бывает такое, посмотришь на человека и чувствуешь необъяснимое отторжение и неприятие. То ли это внешность, то ли запахи какие, черт его знает...

Господин Гуль сразу подтвердил мои догадки в его сто-

рону своим поведением и действиями. В общении первое время он был вежлив и подозрительно обходителен. Но по мере того, как Аркадий Эдуардович узнавал меня и между нами происходили словесные перепалки, свою ненависть и презрение ко мне этот персонаж уже не скрывал.

Дело в том, что командующий 27-ой дивизией был плоть от плоти служака в самом плохом смысле этого слова. Устав, чьи бесчисленные пункты описывали, как мне казалось, абсолютно все, являлся для контр-адмирала Гуля настольной книгой. Въедливый до жути, пунктуальный там, где в пунктуальности не было необходимости, Гуль прикрывался предписаниями Устава когда ему это было выгодно. Очень удобно если других способностей у тебя не наблюдается. Можно тыкать остальных в буквы этой книжицы и чувствовать себя вечно правым...

Как дивизионный командир Аркадий Эдуардович был очевидно слаб. Это не только мое мнение, но и мнение большинства каперангов и кавторангов кораблей 27-ой дивизии. Как досталась ему эта должность – история умалчивает. Знаю только, что кто-то из ближайшего окружения императора тянул карьеру Гуля наверх. Что ж, не мне быть судьей в этом деле, ибо связей и у меня при дворе и во флоте было и есть немало...

Хуже то, что подобные контр-адмиралу Гулю пролезали на высокие посты, не обладая теми качествами, которые требуются на этих должностях. Так, мне кажется или я дей-

ствительно становлюсь похожим на ворчливого, вечно чем-то недовольного деда?

В общем, он и я любили друг друга, как кошка с собакой, уже давно. А после моего демарша с самовольным отбытием в систему «Бессарабия» и оставлением расположения дивизии, Гуль попросту приписал меня к врагам народа и своим личным. Видимо, после того, что произошло, мне не отвертеться и мой смертельный друг уже потирал ручки... Ладно с этим тоже всё ясно, прощения от него не жди. А кто же являлся пятым из сегодняшних вершителей моей судьбы и карьеры?

Ну конечно, беда не приходит одна. Пятым членом Комиссии был ещё один мой старый знакомец – его императорское высочество, великий князь Михаил Александрович. Этого только мне здесь не доставало. Хотя находился князь в данном секторе пространства закономерно, ведь Семеновская дивизия была подчинена именно ему, как командующему и шефу императорской Гвардейской эскадры. Не знаю, куда князь Михаил подевал вторую половину гвардии, а именно 1-ю Преображенскую дивизию, но присутствовал на этом заседании он вполне законно.

То, что от великого князя ожидать для себя не стоило ничего хорошего, я знал наверняка. В отличие от контр-адмирала Гуля, с которым нелегкая меня свела менее года назад, с Михаилом Александровичем мы были знакомы столько же, сколько я знал и Таисию. И знакомство это не отличалось

взаимной любовью и уважением. В отличие от своего родного брата, великий князь, всегда державшийся холодно и пренебрежительно в отношении с нижними по званию чинами, заслуженно был нелюбим в среде флотского офицерства.

Наш конфликт начался с того, когда я в жёсткой форме, без лишнего пиетета в отношении «царственной» особы, поставил его на место в присутствии большого количества людей. Ссору удалось погасить, сам император вступился тогда за меня и перевел все в шутку, сохранив лицо своему брату. Как не интерпретировать эту фразу, сохранил он ему лицо в обоих случаях. Но как вы понимаете, высокие персоны, почему-то мнящие себя избранными и какими-то особенными, не забывают подобных оскорблений в свой адрес. И всё последующее время, как я знаю великого князя, от него постоянно прилетала в мой адрес какая-нибудь пакость. Спасало всегда меня то, что Михаил Александрович был ума недалекого и натурой ветреной и непостоянной, поэтому все его гадости не приводили к желаемому результату. Я и сейчас невольно улыбнулся, смотря на него и вспоминая моменты, когда князь пытался мне в очередной раз насолить.

Итак, что мы имеем? Четверо из пяти членов Комиссии являются моими мягко сказать недоброжелателями. При одном, вернее одной, защитнице. Хотя, наверное, зря я приписываю Самсонова в свои враги... Просто мне не верить, что этот отважный и уважаемый адмирал опустится до добивания упавшего. К упавшему я причисляю себя, как вы

понимаете. Единственное, я боялся, что командующий, прикрывая свои промашки и несостоятельность, смалодушничает и переведет все стрелки на меня.

В любом случае расклад в данном заседании не в мою пользу. Все члены Комиссии имеют право голоса и равные полномочия, вне зависимости от рангов и званий. Так что три против двух не в мою пользу, это максимальный результат, на который я мог рассчитывать и который в итоге ничего мне не давал. Единственное, как уже сказала Тася, решение следственной пятерки было не окончательным, и вердикт по моему делу будет принимать Главный Военный Трибунал на столичной планете. Но это меня мало успокаивало, потому как в любом случае я буду отстранен от должности и командования собственным кораблем. Черт, и это в то время когда вот-вот начнется решающее сражение за «Бессарабию»!

– Иван Фёдорович, вы хоть не будьте как эти, – я обратился к своему командующему, кивая в сторону трех других, сидящих за столом.

– Как «эти»?! – влез в разговор великий князь, заметно краснея. – Что вы хотите сказать подобным обращением в нашу сторону, контр-адмирал? А ну-ка объяснитесь немедленно!

– Не нукайте, князь, не запрягали, – отвернулся я от Михаила Александровича, перед этим смерив того презрительным взглядом.

Мне очевидно начинало нравиться вести себя как дворо-

вый хулиган. Осталось ещё смачно плюнуть в ухоженную физиономию брата императора и отправляться на каторгу.

– Нет, вы слышали господа?! – стал подвывать Гуль. – Это просто неприкрытое хамство!

– Так, Васильков, ты давай полегче, – устало буркнул Самсонов, от которого требовали меня приструнить. – А лучше всего, выйди и подожди снаружи... Все обстоятельства дела нам известны, так что мы и без твоего присутствия примем решение...

– Решать судьбу контр-адмирала, не давая даже право ему самого себя защищать, это немыслимо! – возмущенно воскликнула Таисия, вскакивая с места.

Самсонов под её суровым взглядом немного стушевался, тем более что он изначально робел перед этой девушкой, о чём она и сама догадывалась. Командующий уже хотел было пойти на попятную и оставить меня в зале, но тут возмутился Михаил Александрович.

– Племянница, зная твою всепоглощающую любовь к подсудимому, я не сомневаюсь что лучшего адвоката, чем ты, ему не найти, – ехидно ответил великий князь, смотря прежде всего на Самсонова и ища у него поддержки. – Поэтому контр-адмирал Васильков может смело нас покинуть, не опасаясь, что его точку зрения некому будет до нас донести. Я поддерживаю ваше решение, господин адмирал, и так же настаиваю, чтобы подсудимого вывели из зала.

– Иди Александр Иванович, мы тебя пригласим, когда за-

кончим, — опустив глаза, подытожил командующий.

Я, как пламенный революционер, захваченный в плен проклятыми буржуинами, с гордо поднятой головой покинул аудиенц-зал, перед этим успев подмигнуть Тасе, чтобы та сильно за меня не беспокоилась. Девушка грустно и немного обреченно улыбнулась в ответ, провожая меня взглядом до дверей...

Я был спокоен, как человек уже знающий свою дальнейшую судьбу. Заранее понимая, чем закончится заседание Военной Комиссии, иначе бы её вообще не собирали, я выкинул из головы все ненужные мысли, и даже был рад тому, что меня выставили за дверь. В десятый раз доказывать, что ты невиновен, людям, которые это прекрасно знают и все равно желают тебя наказать, дело неблагодарное.

Я вышел в коридор, прошел в холл аудиенц-зала и сел у одного из панорамных иллюминаторов. Кроме нескольких офицеров и охранников здесь сейчас никого не было, и мне никто не мешал побыть одному. Мысли невольно устремились на день назад, к сражающемуся из последних сил «Измаилу», к его отважной 155-ой «железной» эскадрилье, к Янине, которую я знал со времен Военной Академии, к Фёдору Афанасьевичу — моему верному другу и боевому товарищу...

Я не терзался в этот момент, не рвал не себе рубаху и не взывал к несправедливости небес. Нет, я спокойно, тихо и даже улыбаясь, прощался сейчас с близкими мне людьми,

которых ценил, любил и уважал. Я вспоминал сейчас нашу первую забавную встречу с Волынцом на Вендене-4, когда тот служил полковником республиканского флота одной из планет Конфедерации. Смешно же он тогда выглядел, напялив на себя казацкий кафтан и опоясанный широким кушаком, в который были воткнуты два стилизованный под старину пистолета... Да, это было забавно наблюдать, то так мило... Его бахвальство и бесшабашность и в простом разговоре и в жестоком бою, все это я вспомнил и снова заулыбался...

А Янина Дибич – отважная и дерзкая до крайности еще со времен, когда она была простым курсантом. Уже тогда я оценил ее качества и уже тогда понимал, что лишь вопрос времени, когда будущий пилот истребительной авиации Дибич будет уничтожена в очередном боестолкновении. Такая она была злая до врагов и жадная до битв, что я был уверен, до капитана эта дамочка не дотянет. К счастью я ошибся, и Янина получила звание подполковника, но от судьбы летчика-истребителя не уйдешь...

Вечная память вам мои дорогие, я обещаю вспоминать вас, в том числе каждый раз, когда буду смотреть на ту, ради которой вы жили и ту, кого вы до последнего защищали. Может слёз у меня и не было, потому, как я знал, что не напрасно все произошедшее, если бегаёт сейчас по коридорам моего «Одинокого» маленькое рыженькое чудо восьми лет от роду. Жизнь продолжается, так должно быть...

Глава 2.

В свете почему-то работающих прожекторов, установленных в центре аудиенц-зала, в качестве дополнительного освещения, Таисия Романова была похожа сейчас на театральную диву, играющую роль в одной из трагедий Софокла. Её непослушные локоны опять выбились, а лицо выражало такой праведный гнев, что любой режиссер на «Новой Москве» был бы счастлив видеть такую актрису у себя в труппе. Однако девушка сейчас не играла, силы и энергию ей придавал драматизм сложившейся ситуации.

Таисия умела красиво и пылко говорить и использовала в нужный момент свои способности. Тем более теперь, когда судьба одного из самых близких ей людей вершилась именно здесь...

– Что происходит, господа?! – воскликнула она, вскочив со своего кресла уже в который раз за то время, что шло заседание комиссии. – Передо мной сейчас сидят боевые флотские офицеры или маленькие обидчивые мальчишки, злорадствующие и готовые на подлости?! Где ваша совесть?!

– Таисия Константиновна, я бы попросил вас выбирать выражения, – осторожно, делая над собой усилие, чтобы не сорваться на крик, произнес Аркадий Эдуардович. – Прекратите нас оскорблять, иначе...

– Что иначе, и в отношении меня заведете разбирательство?! – тут же прицепилась к его словам, девушка. – О, поверьте, после всего того, что я здесь услышала, не удивлюсь,

если стану следующим обвиняемым в нарушении устава и субординации старших по званию, оскорблении и что вы там еще придумаете...

– Не преувеличивайте, никто не собирается выдвигать в отношении вас никаких обвинений, – замахал руками Гуль, не на шутку испугавшись мстительного взгляда, подошедшей к нему вплотную великой княжны. – Просто помните, что вы прежде всего офицер флота, а перед вами находятся старшие чины.

– Что это вы сразу пошли на попятную, господин контр-адмирал? – усмехнулась Таисия. – Может всего лишь потому, что перед вами стоит дочь императора? Где же ваша хваленая принципиальность, которой вы гордитесь и выпячиваете перед нами вот уже два часа?! Нет уж, Аркадий Эдуардович, давайте правильными будем до конца... Я нарушила пункты Устава флотской службы, я оскорбила старших по званию? Тогда я должна быть наказана... Господин военный прокурор, вы что молчите?

Веригин опустил глаза в планшет, будто не замечая слов обращенных к нему.

– Вот именно, – кивнула девушка, вся покрасневшая от праведного гнева, – когда перед вами высокая особа, связанная с которой может пострадать ваша карьера, вы ведете себя сдержанно, но если перед вами простой флотский офицер, как Васильков, его можно унижать, обвинять во всех смертных грехах и наказывать, как душе будет угодно!

– Да я вообще не считаю, что в ваших словах были какие-либо оскорбления в мой адрес, – засмеялся Гуль, неумело пытаясь перевести все сказанное в шутку. – Какие могут быть разбирательства и дисциплинарные взыскания...

– О, не было оскорблений, так получайте, господин подлец! – великая княжна все больше и больше входила в раж.

У Аркадия Эдуардовича, вскочившего из-за стола, глаза полезли на лоб от неслыханной наглости. Он стал вертеть головой по сторонам, ища поддержки сидящих рядом. Остальные трое оживились, услышав подобное, и все как один стали упрекать капитана-командора в том, что она не имеет права подобным образом себя вести.

– И вот итог, как четыре наседки пожурили меня, и этим все закончилось, – усмехнулась Таисия, когда ропот возмущения стих. – Я говорю, о нашем с вами лицемерии... Я не желала унижать вас, контр-адмирал, тем более при людях, только лишь хотела, чтобы все мы были честны со своей совестью. А если мы будем честны и совестливы, то и обвинения в адрес Василькова не будут иметь никакой силы...

– Контр-адмирал Васильков всеми собравшимися, ну кроме вас, конечно, признан виновным, – уже в который раз повторил Веригин, с безразличным лицом усталого клерка. – Причем по всем пяти пунктам...

– Повторите мне их один за другим, господин прокурор, – кивнула княжна, готовая продолжать бой.

Таисия понимала, что только от нее сейчас зависит буду-

щее ее друга, и была готова сражаться за него хоть несколько суток без остановок, пока не рухнет от усталости. Но она бы не рухнула, скорее выносить из зала пришлось бы этих четверых.

– Вам опять перечислить пункты обвинения? – Веригин из-под очков посмотрел на княжну. – Извольте... Первый пункт: «Оставление расположения своего подразделения на вверенном корабле...» Только лишь за одно это с Василькова могут быть сняты адмиральские погоны...

– Мы все прекрасно знаем, по какой причине он так поступил, – воскликнула Таисия, посмотрев на изумленные лица сидящих перед ней. – Хорошо, не все из вас знают эту причину, но нашему командующему Черноморским космическим флотом она известна...

Капитан-командор вперила взгляд в Самсонова, пытаясь прожечь в нем дыру. Ивану Федоровичу, припертому к стенке, ничего не оставалось, как согласиться с яростным адвокатом Василькова.

– Анализ сложившейся ситуации показывает, что командир «Одинокого» был единственным, кто разгадал замысел врага, – пробасил адмирал. – Поэтому первый пункт обвинения, об оставлении расположения своей дивизии, я считаю, не существенным в свете произошедших событий...

Самсонов искоса посмотрел на великую княжну, в надежде увидеть в ее глазах одобрение и благодарность. Однако адмирала ждало разочарование, ничего подобного и в поми-

не не наблюдалось во взоре этой безжалостной фурии. Она лишь облегченно выдохнула и снова обратилась к военному прокурору:

– Следующий пункт обвинения...

– Второй пункт: «Угроза должностному лицу», – так же монотонно, как и раньше, произнес Веригин. – Причем угроза расправы была зафиксирована в отношении генерал-губернатора звездной системы «Бессарабия». Это чисто уголовное преступление!

– Губернатор первым сбежал с Тиры-7, оставив контроль за эвакуацией населения планеты на своих заместителей, которые не обладают, ни опытом, ни навыками подобной операции, – тут же парировала Таисия, не считавшая, что данный пункт вообще стоил рассмотрения. – Что сделал Васильков? Заставил губернатора вывозить свободными транспортом население, а не промышленные модули и всякое барахло. Вы это считаете преступлением?!

– Угрозы жизни, считаются преступлением...

– Так и пусть вопрос были угрозы или нет, рассматривает гражданский суд, а не военная дисциплинарная комиссия, – не дала договорить прокурору, Таисия. – Это не дело флотских, пункт абсолютно не в нашей компетенции... Что дальше?

– Третье: «Срыв планов эвакуации промышленных предприятий...», – Веригин вздохнул. – Но как мы поняли, вы и этот пункт уже заранее отвергли...

– Дальше, дальше...

– Четвертое: Адмирал Васильков, после удачного абордажа вражеского линкора, по неизвестным причинам, передал его некоей третьей стороне, – прокурор задумался. – Мы так и не установили, кем были эти люди, но факт остается фактом – трофейный корабль в данный момент находится не под нашим контролем и мы вообще не знаем где он...

– То есть вы расписались только что в своей беспомощности и отсутствии фактов, и смеете включать данный пункт в обвинительный список? – Таисия уткнула руки в бока. – Я вынуждена буду поставить нашего императора в известность о некомпетентности главного военного прокурора флота...

– Ах, оставьте Таисия Константиновна, – улыбнулся Веригин, понимая, что это блеф.

– Не улыбайтесь господин прокурор, – пригрозила княжна, – я сейчас не шучу... Все что мы знаем, это то, что «Абдул Кадир» захвачен и выведен из состава османского флота, а значит не опасен нам... Можете подсчитать, скольких бы мы лишились вымпелов, если бы данный линкор продолжал состоять во флоте Северных Сил Вторжения? Итак, своими действиями контр-адмирал Васильков вывел из строя самый опасный корабль султана и эти действия мы, его боевые соратники, ставим ему в вину?! Это называется подлость и несправедливость...

– Вы переворачиваете факты с ног на голову, – не согласился с ней прокурор. – По вашей логике Василькова вооб-

ще наградить надо...

— Это очевидно, — кивнула княжна, — если учесть, что он на своем «Одиноком» сделал для всего нашего флота.

— Что сделал, уничтожил боевую космическую крепость и убил две тысячи человек?! — повысил голос, все это время молчавший, Гуль.

— Если вы не замолчите, я даже не стану вызывать вас на поединок, — Таисия наклонилась вплотную к физиономии Аркадия Эдуардовича. — Я просто пристрелю вас, как бешеную собаку за подобные высказывания!

— Что?! — Гуль растерялся. — Да как вы смеее!

— Хватит, прекратить балаган! — Теперь уже Самсонову надоела вся эта перепалка, и он решил разом поставить точку в происходившем. — Капитан-лейтенант это мое последнее предупреждение. Если не желаете последствий, придержите свой язык за зубами. Здесь вам не таверна в космополисе... Выяснять отношения будете на гражданке и с другими... Вам понятно?!

Таисия в запале действительно не заметила, как перешла грань дозволенного на флоте в условиях войны. Она хотела было что-то колкое сказать и в отношении самого Самсонова, но видя решимость командующего, благоразумно промолчала. Все знали, что если уж Иван Федорович начинал злиться, то для него не существовало препятствий и авторитетов. Будь перед ним в эту минуту кто угодно, хоть сам император, и тот бы быстро оказался на гауптвахте. Послед-

ствия адмирала в этом состоянии уже не интересовали.

– Теперь с вами Гуль, – командующий грозно посмотрел на своего комдива. – Про убийство двух тысяч из нашего гарнизона, это действительно перебор, за который можно получить и по морде... Как и что делал Васильков во время сражения, насколько верными и разумными были его действия, будет разбираться Следственная Комиссия на нашей столичной планете. Безусловно, командир крейсера «Одинокий» натворил много дел и все его выкрутасы с неподчинением, передачей линкора непонятно кому и другими фактами, не могут остаться безнаказанными...

– Господин адмирал..., – начала было Таисия.

– Наше сегодняшнее заседание я объявляю закрытым, – перебил ее Самсонов, – Мне нет времени точить с вами лясы, когда в систему, которую нужно отстоять любой ценой, в течении суток могут войти несколько дополнительных американских дивизий. У меня голова занята тем, как спасти Черноморский флот, и времени заниматься одним человеком нет по определению... Поэтому голосуем. Кто за признание контр-адмирала Василькова виновным?

Трое из пяти присутствующих подняли руки. Таисия, хоть и видела, что сам Иван Федорович руку не поднял, все равно отвернулась от него с презрением.

– Большинством решено, Васильков Александр Иванович временно отстраняется от командования крейсером «Одинокий», – заключил Самсонов. – Он должен быть взят под

стражу военной полицией и определен на гауптвахту моего флагмана, в ожидании дальнейших действий следственной Комиссии. Как только появится возможность, Васильков будет экстрадирован на «Новую Москву»...

– Прошу прощения, господин адмирал, – снова заговорил Гуль, – у нас в связи с арестом данного персонажа могут, вернее со сто процентной долей вероятности, будут проблемы...

– Что вы имеете в виду?

– Я не хотел этого говорить никому, кроме вас, – Аркадий Эдуардович встал и оправил китель, – ибо данный вопрос касается внутренних взаимоотношений во вверенном вам флоте, в частности в моей 27-й дивизии...

– Что уж, говорите, если начали, но побыстрей, – недовольно поморщился командующий, ожидая услышать от своего подчиненного очередную клязу.

– Как и говорил ранее, я с уверенностью могу повторить, что арест и сопровождение контр-адмирала Василькова на гауптвахту, приведут к открытому мятежу на борту тяжелого крейсера «Одинокый»...

– Вы что-то принимаете из запрещенных препаратов, Гуль?! – Самсонова трудно было чем-то удивить, но тут командующий явно был шокирован, прочем не меньше, чем все остальные. – О каком мятеже вы нам рассказываете?! В подразделениях моего флота этого не может произойти по определению!

– А мне не кажутся слова господина Гуля такими уж неправдоподобными, – кивнул, поддерживая того, великий князь Михаил Александрович.

– Расскажите подробней, что вам известно, – не менее заинтересованно произнес главный военный прокурор.

– Дисциплина на крейсере, которым командует Васильков, на самом низком уровне, что только может быть на боевом корабле, – заявил Гуль. – Многие из членов данного экипажа имеют десятки взысканий и нарушений устава. Но постоянно прикрываемые своим командиром, эти моряки до сих пор служат в императорском флоте, хотя должны были быть изгнанными из него с позором. Не менее одиозные фигуры составляют костяк высшего офицерского состава «Одинокого». Я не знаю, откуда Васильков их всех понабрал, но это же шайка разбойников, а не боевой экипаж...

– Вы не преувеличиваете степень угрозы, господин контр-адмирал? – с сомнением в голосе отозвался командующий. – Я слышал, что с дисциплиной у Василькова было не все в порядке, но обвинять команду крейсера в том, что она может пойти на неподчинение и открытый мятеж, это мне кажется через чур...

– Я погоны ставлю на то, что как только морякам с «Одинокого» сообщат об аресте их обожаемого командира, они все как один ринутся на его защиту, – воскликнул Аркадий Эдуардович с такой уверенностью в голосе, что даже Самсонов осекся на полуслове.

Командующему было неизвестно, насколько окажется прав комдив, но перестраховаться было не лишним. Самсонов знал, да и в своей карьере помнил случаи на флоте, когда экипаж отдельного корабля или даже целые группы кораблей выходили из подчинения. Волнения на флотах не только Российской Империи, но и на флотах других держав были явлением не таким уж и редким...

– Люди из экипажа «Одинокого» пойдут за своим капитаном хоть в ад, так сильно они его уважают, – продолжал Гуль. – Я не знаю, пойдут ли они на штурм гауптвахты на вашем «Громобое», господин адмирал...

– Пусть только попробуют, – с угрозой в голосе, буркнул Самсонов.

– Но вот то, что моряки не будут подчиняться никому другому, кроме Василькова, это я вам гарантирую, – продолжал Аркадий Эдуардович. – А это значит, что команду «Одинокого» следует ротировать полностью, до последнего оператора и техника... И как вы прикажете это сделать? Силой проникнуть на крейсер и повязать этих разбойников? В таком случае недалеко и до перестрелки, потому как экипаж Василькова без боя сдавать корабль не станет. Ну, а если прольется кровь...

– Можете не продолжать, – перебил его, Самсонов, – даже не хочу об этом слышать... У меня сейчас каждый вымпел на счету. Против нас стоит несколько десятков боевых кораблей американцев и османов... Я против того, чтобы в пред-

дверии решающего сражения, терять один из лучших крейсеров своего флота.

– Но вам придется его потерять, как только команда «Одинокого» узнает о решении, которое мы приняли в отношении их лидера, – согласился с Гулем, прокурор. – Аркадий Эдуардович расскажите поподробней о всех возможных зачинщиках на данном корабле, коих вы считаете наиболее опасными...

– На первом месте среди таковых, готовых на любую авантюру, стоит командир палубной эскадрильи «Одинокого» – майор Белло, – ответил Гуль, явно подготовившись к такого рода вопросам. – Это абсолютно неуправляемая личность, как в прочем и все её подопечные, которых вы знаете как «соколов»...

– Это одна из лучших эскадрилий в моем флоте, – отозвался Самсонов.

– Как боевое подразделение – да, они одни из первых, – кивнул Аркадий Эдуардович, – но субординации и дисциплины у этих пилотов нет в помине... Далее из самых опасных и непредсказуемых людей Василькова можно назвать командира его морских пехотинцев... Вы знаете, что этот человек комиссован по ранению головы еще во время последней войны с султаном? Комиссован без права на возвращение во флот... И тем не менее подполковник Дорохов до сих пор служит...

– Так, давайте вы с прокурором отдельно пообсуждаете

всех ваших подозреваемых, – остановил Гуля, Самсонов. – Контр-адмирал вы уверены, что команда «Одинокого» поведет себя именно так, как вы сказали?

– Да, господин адмирал, уверен...

– Как же тогда быть? – многозначительно почесал затылок великий князь Михаил Александрович. – Не можем же мы отпустить Василькова, только лишь потому, что опасаемся неповиновения его шайки!

– Вы абсолютно правы, адмирал, – обратилась к Самсонову, Таисия Константиновна, – в том, что в преддверии битвы ни один корабль терять нельзя. Если это все правда, о чем нам говорит господин Гуль, то самым разумным решением будет возвращение контр-адмирала Василькова на свой корабль и закрытие против него дела...

– Как бы вы этого не желали, ваше императорское высочество, однако подобное просто невозможно, – тут жеотреагировал главный военный прокурор. – Васильков уже признан виновным, что зафиксировано электронным секретарем, сразу после голосования...

– В итоге, как быть? – повторил вопрос великий князь.

– Мне кажется, что у меня есть ответ, – вкрадчиво произнес Аркадий Эдуардович.

– Я в этом не сомневалась, – пожала плечами Таисия.

– Если оставить контр-адмирала Василькова на флагмане за решеткой, это автоматически означает мятеж на «Одиноком», значит, ни объявлять о его аресте, ни держать его здесь

не нужно, – продолжал Гуль. – Поэтому мы должны поступить следующим образом...

Я не заметил, как Тася подошла ко мне и села рядом на скамью перед иллюминатором. Она выглядела уставшей и измотанной, хотя старалась улыбаться и делала вид, что все у нее в полном порядке и под контролем. Такова уж была натура этой внешне хрупкой, но невероятно сильной и упорной девушки. Я хотел было щелкнуть ее по носу, чтобы держала выше, но вовремя заметил стоящих рядом двух офицеров из военной полиции.

Объяснять мне было не нужно, почему эти ребята сейчас здесь находятся.

– Устала? – спросил я девушку, которая в отличие от меня не постеснялась посторонних, положив мне на плечо голову. – Нелегко защищать своего непутевого друга, да?

– Да, нелегко, – отозвалась она эхом. – Прости, я пыталась...

– Ай, не будем об этом, – отмахнулся я. – Будто изначально не было понятно, чем этот театр абсурда закончится...

– Ты даже не представляешь, чем все-таки он окончился...

– Ладно, об этом позже, – я абсолютно сейчас не хотел думать, о собравшихся меня наказать, людях, – Ты, как здесь оказалась? Гвардия ведь, по тем данным, что мне известны, должна была лететь на соединение с Балтийским космиче-

ским флотом, к Юзефовичу...

– Информация о вторжении в «Бессарабию» изменила планы, – ответила Таисия. – Как только я увидела на карте, чей корабль движется к «Измаилу»... В общем, со мной здесь вся 2-я гвардейская, мы разделили Гвардейскую эскадру...

– Значит это тебя нужно благодарить за спасение, – усмехнулся я, – ведь когда я захватил «Абдул Кадир», на меня с четырех углов уже было навалились четыре тяжелых османских крейсера... Но появление Самсонова во главе «семановцев» заставило османов прыгнуть обратно из «Тавриды» к своим...

– Да я уже и со счета сбилась, сколько раз тебя выручала...

– Что?! Это кто же такой счет ведет?

– Я и веду...

– Когда ты успела меня выручить? – засмеялся я такой наглости моей подружки. – Когда я тебя спас еще соплюхой, при первой нашей встрече?

– Ты за соплюху то ответишь, – воскликнула девушка, давая мне увесистого тычка кулаком в плечо. – Не видишь, кто перед тобой?

Таисия выпятила грудь вперед, чтобы был более заметен её офицерский жетон.

– Уже вижу, – кивнул я, оценив цифры опыта на его информационной шкале. – И очень горжусь тобой...

Тася засмушалась, но было видно, что ей очень важны эти

мои слова. Возникла пауза.

– Как семья? – задал я один из самых неуместных на данный момент вопросов. – Как папа?

Таисия хоть и была до этого грустной, расхохоталась, видя, что я прикалываюсь.

– Ничего, жив-здоров, передает тебе привет...

– Понятно... А как дела у нашего Артемия Константиновича? Все такой же позер?

– Не спрашивай, – отмахнулась Тася. – Завешал весь флагман зеркалами и гобеленами, будто дворец на колесах...

– Значит все по-старому...

– Да, все как обычно, – кивнула девушка. – Зато у тебя здесь весело...

– Это точно, – вздохнул я и поднялся со скамьи. – Ну что там решили наши флотоводцы в отношении меня? Отстраняют?

– Не только, – Таисия тоже поднялась и в нерешительности стала переминаться с ноги на ногу. – Я подумала, что сама должна тебе это сказать, ибо не хочу, чтобы после оглашения приговора ты кому-нибудь из присутствующих перегрыз горло.

– О, понял, значит, меня ко всему прочему ждет еще и гауптвахта, – догадался я.

– Тебя ждет настоящая космическая тюрьма, расположенная в ста тридцати миллионах километров отсюда, на одном из промышленных астероидов, – выдавила Таисия, грустно

посмотрев на меня. – Саш, ты не переживай, я вытащу тебя оттуда в самое ближайшее время... Это просто уму не постижимо, но боясь мятежа экипажа «Одинокого», они решили спрятать тебя от команды, а твоим людям сказать, что их командир отбыл на секретное задание или что-то в этом роде. Они в данный момент придумывают легенду твоей внезапной пропажи...

– Господин контр-адмирал, ваше оружие, жетон и идентификационный браслет, – спокойно и деловито произнес один из стоящих сейчас поблизости офицеров военной полиции.

Я несколько секунд решал, что мне делать в данных обстоятельствах. Видя это, Таисия заговорчески придвинулась ко мне и прошептала, кивая в сторону офицеров:

– Их всего парочка, сейчас у лифтовых капсул вырубим этих типов, а дальше по своему пропуску я тебя вытащу с флагмана...

– Это по тебе, тюрьма плачет, – засмеялся я, – рецидивистка императорских кровей.

– Я серьезно...

– Послушай, – я взял ее за плечи. – Куда я побегу после этого? На «Одинокий», подставляя под трибунал команду, которая меня не покинет?

Я передал свои личные вещи полицейскому.

– Присмотри за «моими», и ничего им не говори, – сказал я напоследок Тасе, намекая на мою боевую команду. – Да не волнуйся ты так за меня, это всего лишь имперская тюрьма,

что я там не видел... Прорвемся...

Глава 3.

Самсонов быстро встал из-за стола, как только Таисия Константиновна вышла из аудиенц-зала. Остальные присутствующие поднялись с кресел вслед за адмиралом.

– Заседание Комиссии окончено, – объявил Иван Федорович, собираясь покинуть помещение.

– А как же объявление решения Комиссии тому, ради которого мы все здесь находились целых три часа? – остановил его, военный прокурор. – Давайте уж доведем до конца процедуру и дождемся Василькова...

– Оставьте эти мелочи, Веригин, – бросил командующий, не оборачиваясь и продолжая идти к дверям. – Все и так понятно. Я не желаю более изгаляться над контр-адмиралом и злорадствовать, видя его слушающим обвинительный приговор...

– Это совсем не так, как вы описываете, – воскликнул военный прокурор, – мы лишь выполняем наш долг. Никому из тех, кто здесь находится, не приятна данная процедура, но уж так заведено...

– Вам повторить, господин прокурор, что заседание окончено?! – Самсонов резко развернулся и выпучил на Веригина глаза. – Формальности выполните сами, вам именно за это жалование платят. А мне платят за другое...

– Я вас понял, господин командующий, – прокурор снова уткнулся в планшет, по привычке продолжая что-то посто-

янно в нем заполнять. – Прошу не беспокоиться, все процедуры в отношении сегодняшнего заседания будут мной окончены и выполнены по букве закона и точно в срок...

– В этом я не сомневаюсь, – бросил Иван Федорович.

– Как только закончу с данным делом, то сразу запущу процедуру следственных действий в отношении команды крейсера «Одинокый», – продолжал Веригин, уже обращаясь не к Самсонову, а к Гулю и великому князю Михаилу. – От вас, господин контр-адмирал, мне потребуются письменные показания в отношении старших офицеров экипажа упомянутого корабля... Мы не должны оставлять без внимания любое подозрение в организации мятежа...

Гуль кивнул, соглашаясь с прокурором.

– Господа адмиралы, следуйте за мной в малый зал, на военное совещание, – Самсонов уже у дверей обратился к своим командирам.

Иван Федорович не слышал последних слов военного прокурора, так как находился далеко, но понял, что тот затевает какую-то очередную проверку. Нечего флотским его слушать, пусть копается в грязном белье самостоятельно...

– Совещание через десять минут, – подытожил командующий, выходя.

Как ни противно ему было сейчас, после участия в суде над Васильковым, однако Иван Федорович понимал, что без наказания непутевого контр-адмирала оставлять нельзя. Если каждый такой инициативный начнет де-

лать все что хочет, во что превратиться флот? В пиратскую эскадру? Нет дорогой, как бы ты не оказался в итоге прав в своих предположениях о наступлении врага и в своих дальнейших действиях, должен ты их выполнять лишь по приказу высшего командования!

Самсонов практически убедил себя в справедливости сегодняшнего наказания Василькова и попытался выкинуть его из головы. Благо и без него было о чем думать...

Когда командир 27-ой дивизии и шеф Гвардейской эскадры вошли в малый зал совета, Самсонов не сразу их заметил, так как пристально всматривался в проекцию звездной системы, в которой сейчас находились его корабли. Эти двое вошедших не очень-то и нужны были командующему. Советники из них были никудышные, даже младшие офицеры из штаба его Черноморского флота сейчас бы были куда полезней.

Аркадий Эдуардович Гуль – абсолютно ничем не выделяющийся дивизионный командир. Инициативы и дельных советов от него ожидать не приходилось. Странно в таком случае было наблюдать Гуля среди подопечных Самсонова. Ведь командующий лично отбирал всех своих комдивов. И Белов, соединение с дивизиями которого сейчас стало для Самсонова приоритетной задачей, и Свиблов – комдив 5-ой линейной дивизии, да и тот же Васильков, будь он неладен – все они были профессионалами высочайшего класса с опытом ведения боевых действий в космосе. Практически

со всеми из них Иван Федорович воевал в последнюю Русско-османскую войну, и лично продвигал многих из них по службе...

Что же делал контр-адмирал Гуль среди его командиров? Когда Черноморский Императорский космический флот восстанавливался после войны с султаном Селимом, а затем усиливался в ожидании столкновения с Дэвисом и его адмиралами, в состав флота была введена дополнительная дивизия. Этой дивизией оказалась сводная – 27-я линейная, которой к этому времени уже командовал Гуль.

27-я набиралась из разных гарнизонных групп внутренних систем Российской Империи и представляла собой солянку кораблей различного класса. По настоящему достойных выпелов в ней находилось немного, пожалуй только «Одинокий» из тяжелых крейсеров был в дивизии самым боеспособным. Тоже касалось и экипажей 27-ой, служившие здесь моряки хоть и считались не новичками, но либо давно, либо вообще не участвовали в сражениях, ни против османов, ни в экспедиционных рейдах, если не считать того же «Одинокого».

Но, несмотря на все это, Самсонов был очень рад такому приобретению в тринадцать дополнительных выпелов. В условиях, когда его флот в последнюю кампанию безвозвратно потерял 38% боевого состава, 27-ой линейной он был счастлив до безумия. Теперь у командующего появился хотя бы оперативный резерв на случай непредвиденных обстоя-

тельств. И как видим, этот самый резерв сыграл свою роль. Именно дивизия Гуля, находясь в тылу системы «Таврида», первой и пока единственной подошла на помощь Самсонову и великому князю Михаилу.

Так вот, что касается Гуля. Иван Федорович, обрадованный дополнительной дивизией, не обратил особого внимания на ее командира. Он знал, что Гуль являлся протеже кого-то из ближнего круга императора, к тому же контр-адмирал показывал себя исполнительным человеком, что в условиях мирного времени вполне устраивало командующего. Как флотоводец Гуль был посредственностью, что показали командные учения, которые Самсонов проводил регулярно.

У Ивана Федоровича иногда даже возникала крамольная мысль, не поставить ли во главе 27-ой – Василькова. Уж слишком два этих контр-адмирала, которых злодейка судьба закинула в одно подразделение, отличались. Все чего недоставало Гулю, в избытке имелось у Василькова. Даже в таком избытке, что Самсонов так и не решился передать дивизию под руководство последнего. Пусть уж лучше командует ею исполнительный дурак, чем неуправляемый гений...

Но сейчас Иван Федорович много бы отдал за то, чтобы рядом с ним находился не Гуль, а именно такой как Васильков. В место этого он собственными руками отправил самого способного из своего ближнего круга, адмирала, в тюрьму!

Командующий даже не потрудился поднять глаза на вошедших. Михаил Александрович и Аркадий Эдуардович за-

няли места за столом, над которым горела трехмерная карта. Сели и принялись слушать Самсонова. Вот что Самсонов и имел в виду, когда думал о нехватке толковых людей рядом с собой. Хоть бы Таисия Константиновна сейчас была рядом, от нее уж куда больше пользы, чем от этих двух кивающих болванчиков.

Но она побежала к своему дружку Василькову, вместо того, чтобы присутствовать на совещании. И что вообще между этими молодыми людьми? Самсонов поймал себя на мысли, что ревнует. Тьфу, что за юношеские порывы, ты адмирал флота, а не сопливый курсант! Иван Федорович приказал себе отогнать ненужные мысли и сосредоточиться на деле...

– Что мы имеем, господа, – произнес он скорее машинально, разговаривая сам с собой. – На 6-е февраля диспозиция такова. Мы сумели отогнать американцев и османов от узла перехода «Бессарабия–Таврида». Противник понес существенные потери и отошел предположительно к центральной планете Тира-7 для перегруппировки.

Говоря «существенные потери» адмирал невольно поморщился. На самом деле не такие уж они были существенные.

Гвардейская дивизия, возглавляемая Самсоновым, действительно набросилась на ничего не ожидавших союзников, корабли которых собрались у разрушенной крепости «Измаил». Пользуясь внезапностью, а так же невероятной атакующей мощью гвардейских вымпелов, командующему уда-

лось посеять панику в рядах противника и заставить его начать отступление. «Семеновцы» так отчаянно атаковали 13-ю американскую дивизию, что та не смогла им долго противостоять и начала пятиться назад. Османы, видя это, не стали играть в героев и первыми нарушили построение, выходя из сектора боя.

Орудийные расчеты на кораблях Самсонова работали без перерыва, не давая защитным полям американских кораблей возможности для восстановления. Как потом стало понятным, противник был уже изначально ослаблен артиллерийской дуэлью с «Измаилом», поэтому Самсонову, во главе семнадцати вымпелов, было так не сложно заставить эскадру противника начать отступление. Что ж, тем хуже для них.

Иван Федорович уже считал минуты до того, как американцы не выдержат и развернутся, чтобы начать убегать из сектора, но этого не случилось. Как назло в это самое время из кольца межзвездного перехода, ровно в тылу у наступающих «семеновцев» возникли пять тяжелых османских крейсеров. Оказывается, еще до появления русской эскадры они успели нырнуть в соседнюю «Тавриду» и все время сражения находились именно там. Появление османов остановило атаку Самсонова, который хочешь не хочешь должен был теперь развернуть часть своих кораблей навстречу новым врагам.

Этой передышки для Корделли и адмирала-паши Озкана оказалось достаточно, чтобы привести в порядок свои подразделения и снова собраться в единое построение. Ли-

хая кавалерийская атака русских была остановлена. Однако союзники по-прежнему не решались контратаковать, боясь больших потерь от огня русской гвардии. Поэтому, дождавшись соединения со своими только что прибывшими крейсерами, адмирал Корделли, взявший на себя командование союзной эскадрой, принял решение оставить сектор перехода и начать отступление к Тире...

В этом скоротечном и безрезультатном, если не считать, что переход остался за нашими, бою, Самсонов не потерял ни одного корабля, хотя его «Громобой» и еще два крейсера получили по несколько довольно серьезных пробоев. Противник безвозвратно лишился одного легкого османского крейсера и около десятка других были хорошенько потрепаны нами. Как уже говорилось ранее, это больше была заслуга гарнизона погибшей русской крепости...

Иван Федорович скорее машинально по привычке произнес фразу о существенных потерях врага, как часто делал это во время реляций и докладов. В действительности союзная эскадра по сути оставалась полностью боеготовой и решительное сражение с ней только предстояло...

– Наши аппараты начинают расчищать пространство от зондов врага, – продолжал Самсонов. – Это американские РЭБ-зонды, которых Корделли явно не пожалел, раскидав по всей системе в огромном количестве. Но ничего, мы и не с такими справлялись... На гвардейских кораблях установлено самое новейшее оборудование для контрэлектронной

борьбы. Связь между нашими подразделениями и кораблями стабильная и это главное. Если мы что-то пока не видим на радарх дальнего обнаружения и не можем наладить контакт с некоторыми другими объектами в системе, то это является не критичным в данной ситуации...

– Да, но мы таким образом не знаем, где сейчас находится враг, – произнес контр-адмирал Гуль, показывая что на карте горевшей над столом не было обозначено ни одного вражеского объекта. – Откуда ждать нападения американцев?

– Ни откуда его не стоит ждать, – резко ответил командующий.

– Но они рано или поздно все равно нападут! – воскликнул Гуль. – Это же очевидно, противник вторгся в суверенную имперскую систему не для того, чтобы обороняться!

– Очевидно, – сказал Самсонов. – Но не нападут, не потому что не собираются, а потому что мы нападём на них первыми!

Командующий снова отвел взгляд от своего комдива, решив больше не портить себе настроение созерцанием ничего не понимающего взгляда на физиономии Аркадия Эдуардовича.

Нет, конечно же, Самсонов очень даже был рад тому, что буквально через несколько часов после недолгого сражения с Корделли и Озканом у остатков погибшей крепости, к нему из системы «Таврида» подошла 27-я дивизия Гуля в двена-

дцать вымпелов. «Одинокий» был тринадцатым в ней, но он присоединился к Самсонову еще раньше. То, что резервная дивизия Черноморского флота оказалась в этот момент рядом, заслуги Аркадия Эдуардовича не было никакой, просто данное подразделение находилось в глубоком тылу, поставленное сюда Самсоновым заранее. Поэтому Иван Федорович сейчас имел под рукой эскадру ровно в тридцать боевых единиц, что казалось чудом при данном раскладе.

Еще сутки назад система «Бессарабия» была абсолютно беззащитна, если не считать находящуюся здесь крепость «Измаил». И как назло именно «Бессарабия» стала ключевым звеном всей нашей обороны на десятки звездных систем вокруг. Теперь обладание ей становилось главной задачей, как для нашей, так и для вражеской стороны. Если дивизиям 6-го ударного флота американцев удастся захватить ее переходы, то пути отступления для группы Белова будут отрезаны навсегда. А это как-никак три дивизии из семи, составляющих весь Черноморский космический флот, если не считать 2-ю гвардейскую, которая по большой удаче оказалась сейчас под управлением адмирала Самсонова.

Вот вам и второй пример невероятного везения. Мог бы подумать командующий, что получит в свое распоряжение «Семеновскую» дивизию в полном составе, изначально предназначавшуюся, как и 1-я «Преображенская» – Балтийскому флоту адмирала Юзефовича. А ведь это был приказ Ставки и лично императора.

Когда появилась первая информация о вторжении врага в «Бессарабию», Иван Федорович был уверен, что его флот обречен быть рассеченным надвое и уничтоженным по частям. Как ему удалось убедить адмирала Алексеева передать под свое начало «семеновцев», Самсонов сам удивлялся. И как ему помогла в этом Таисия Константиновна, со своей стороны напавшая на начальника Штаба Флота и завалившая того аргументами в пользу разделения Гвардейской эскадры на две группы и передачи одной из них Самсонову.

И вот спустя сутки в «Бессарабии» стоят две усиленные русские дивизии и теперь у Черноморского флота появляется реальный шанс выбраться из этой ловушки, в которую Самсонов по сути загнал себя сам...

– Простого нашего присутствия в системе недостаточно, чтобы одержать победу, – произнес командующий. – Крайне необходимо выиграть время и продержаться здесь как минимум двое стандартных суток. Этих сорока восьми часов будет достаточно, чтобы группа Белова присоединилась к нам. Его дивизиям необходимо пройти для этого три звездные системы, и все это время мы обязаны контролировать «Бессарабию», чтобы нам это не стоило... Если не удержим систему и снова не возьмем под контроль все ее переходы, Белов окажется заперт между 6-м американским флотом с одной стороны и идущим за ним по пятам – 4-ым вспомогательного флота адмирала Парсона. Вот цена нашего нахождения здесь...

– Поэтому надо дождаться подкреплений из «Тавриды» и уже всем вместе атаковать авангард противника, – заключил великий князь Михаил Александрович. – Сейчас количественное соотношение сил явно не в нашу пользу...

– Хочу вас расстроить, князь, но соотношение в нашу пользу не изменится, если мы останемся на месте, и будем ждать дополнительные силы из «Тавриды», – ответил на это Самсонов. – Я конечно послал приказ во флот, чтобы они выслали сюда все свободные корабли, но во-первых таковых наберется не больше дивизии в лучшем случае...

– У перехода «Таврида–Тарс» где мы и ожидаем главного наступления врага в данный момент собрано три дивизии при двух крепостях, – изумился великий князь. – В этом районе выстроена такая глубокоэшелонированная оборона, что и одной дивизии хватит контролировать данный сектор. Почему к нам на помощь идет всего одна?

– При всем уважении, князь, мне лучше знать, какие силы могут удержать переход в случае полномасштабного вторжения через него, – резко поставил на место шефа гвардейцев, Иван Федорович, и уже более спокойным тоном продолжал:

– Но и это не имеет значения, так как соотношение сил здесь в «Бессарабии» будет меняться не в нашу пользу. Корделли вторгаясь сюда, вел лишь авангард и как только от него поступит извещение, что система взята под контроль, сюда начнут прибывать основные силы 6-го флота...

– Но они же сейчас в системе «Тарс», – недоуменно пожал

плечами контр-адмирал Гуль. – Ведь именно поэтому вы и сказали, что не можете снять с перехода больше одной дивизии нам в поддержку...

– Да будет вам известно, что в 6-м ударном флоте адмирала Итана Дрейка по последним имеющимся от нашей разведки данным, находится как минимум 120 вымпелов, это не считая их новоиспеченных союзников – османов, – пытаясь сохранять хладнокровие, ответил Самсонов. – В связи с тотальным численным перевесом, у наших противников хватает сил на атаку сразу с двух направлений. Вот поэтому я не могу отвести оставшиеся дивизии от перехода «Таврида–Тарс». Вам понятно, господин контр-адмирал?!

– Абсолютно, господин командующий, – Гуль явно не ожидал услышать такие цифры вражеских сил. – Как же их здесь много!

– Что вы предлагаете делать? – задал вопрос Михаил Александрович, не менее Гуля озабоченный данными о тотальном перевесе американцев в данном секторе пространства.

Великий князь, выбирая еще там, в системе «Сураж», с какой из дивизий ему остаться, идти с 1-ой гвардейской в расположение Балтийского флота, либо присоединиться к «семеновцам» и помочь Самсонову, неудачно для себя выбрал второй вариант, и в данную минуту очень об этом жалел. Вроде бы разумно расценив, что в разворачивающейся военной кампании, против Балтийского космического флота

будет действовать лично адмирал Коннор Дэвис, а это чревато для всех его врагов, великий князь выбрал, как ему казалось, более «спокойный» сектор фронта. Кстати поэтому он и не возражал против разделения Гвардейской Императорской эскадры на две группы...

И вот в итоге, получается, что и рядом с Самсоновым князь не мог чувствовать себя в безопасности, если такие силы американцев скопились против Черноморского флота.

– Может благоразумнее отойти в «Тавриду» при таком раскладе и укрепиться там? – великий князь в очередной раз попытался поиграть в стратега.

– Тогда можете начинать рассылать похоронки семьям моряков сразу трех дивизий, – отреагировал Самсонов. – Белов обречен, если мы уйдем из «Бессарабии». Он какое-то время может уклоняться от встречи с Парсоном, но зажатый двумя вражескими флотам, будет вынужден вступить в бой. При нынешнем соотношении сил, исход для группы Белова очевиден – все наши моряки погибнут!

– Черт побери! – Михаил Александрович сжал в бессилии кулаки. – Что вы предлагаете?

– Я здесь, чтобы не предлагать, а приказывать, – жестко ответил Самсонов, поднимаясь в полный рост. – И я приказываю вам готовить свои подразделения к скорому выходу. Мы имеющимися силами немедленно атакуем авангард противника!

– Вы уверены, Иван Федорович? – великий князь попы-

тался найти аргументы, чтобы отговорить командующего от поспешного решения. – Наши корабли только что из боя, противник скрылся в неизвестном направлении, и мы вообще не знаем, сколько у Корделли под рукой вымпелов. Те, которые были у перехода, явно не все что есть у него в наличии... А если у американца в тылу несколько свежих дивизий, что тогда? Да и где он вообще сейчас?

– Если будем стоять на месте, то действительно у американцев появятся в наличие свежие дивизии, – ответил Самсонов. – Что касается численности противника, то она примерно известна и составляет с учетом всех прежних потерь, чуть больше тридцати вымпелов... Такая же как у нас...

– Откуда вы взяли это число? – не успокаивался Михаил Александрович.

– Из операционных данных с крейсера «Одинокий», – ответил Самсонов. – Васильков, когда только прибыл ко мне, передал всю имеющуюся по врагу информацию с записывающих устройств и сканеров наблюдения. Цифры могут разниться с действительностью, ведь и системы «Одинокого» могли увидеть не все, однако я не думаю, что будет большое расхождение... Американцы и османы подходили к Тире-7 безбоязненно и открыто, им не было смысла скрывать какие-то дополнительные силы... Нет, в данный момент их в системе столько же, сколько и нас. И находятся они в секторе центральной планеты...

– Как это-то вы узнали?

– А это уже боевой опыт, господин Романов, – улыбнулся Иван Федорович. – Ведь только из сектора Тиры можно контролировать сразу все переходы в «Бессарабии». От планеты до каждого из порталов самое кратчайшее расстояние... Можете мне поверить, Корделли находится именно там... И очень скоро, там будем и мы...

Глава 4.

В 2:00 стандартного времени 7 февраля две российские дивизии: 2-я гвардейская и 27-я линейная в составе 26 боевых вымпелов покинули район перехода «Бессарабия–Таврида» и начали движение в направлении планеты Тира-7.

Адмирал Самсонов оставил у перехода в виде охранения четыре корабля. Два из них, наиболее сильно пострадавшие в последнем бою, командующий решил пока не задействовать в предстоящей операции и отдал на откуп техническим командам – пусть приведут в порядок. Третьим кораблем в этой группе был крейсер «Одинокий». Он остался не из-за срочной необходимости ремонта, хотя именно эта причина была озвучена командующим как официальная.

Попросту на тяжелом крейсере не было в данный момент командира. Василькова, как мы знаем, уже «приняли», а вот с его заменой так и не разобрались. На «нормальном» корабле, как выразился Самсонов, командование судном передается старшему помощнику. Но на «Одиноком» таковым оказался андроид. Пусть даже и последней, самой, как считалось, совершенной серии, но все же это был чертов робот!

Иван Федорович, являясь непримиримым противником всего искусственного во флоте, (он даже электронным секретарям не доверял) был взбешен, когда ему доложили, что это действительно правда, что сказал Гуль, и у Василькова старпомом служит искусственный интеллект пусть и в прекрасной и прочной оболочке.

– А я еще сомневался в правильности наказания этому проходимцу, – хмыкнул командующий. – Да за такое и погоны можно снять! Это же надо выдумать, вторым номером на боевом корабле ставить бездушную жестянку!

Алекса отдельным распоряжением Самсонова была отстранена от должности. Ей запрещено было появляться на капитанском мостике собственного крейсера.

Не то что бы применение боевых андроидов было чем-то необычным. Уже в конце 22 века их стали массово внедрять во флот и армию. Однако столь высокая должность, как у Алексы, действительно являлась чем-то исключительным. Ну невозможно было переубедить некоторых людей доверять не людям. Одним из таких до последнего упертых являлся нынешний командующий Черноморским космическим флотом...

В общем, капитана «Одинокого» куда-то дели, старпома – отстранили, и в итоге так и не сумели найти достойную им замену. Крейсер на время остался без командования и Самсонов благоразумно решил пока оставить его у себя в тылу, тем более, что в любом случае «врата» перехода на «Таври-

ду» кому-то охранять все равно было нужно. Пусть это будет «Одинокий».

Но трех кораблей, к тому же сильно пострадавших и проходящих в данные часы ремонтные работы, по мнению Ивана Федоровича, было недостаточно, чтобы надежно защитить стратегический переход. А если Корделли разделит авангард и где-нибудь поблизости ждет своего часа? И как только русские дивизии уйдут, решит захватить переход. Тогда не только Белов со своими тремя дивизиями, которого все здесь ждут, может попасть в ловушку, но и сам командующий также окажется в западе...

Поэтому переход должен быть надежно защищен, решил Самсонов и оставил четвертым кораблем охранения «врат» гвардейский линкор «Афина» – самый боеспособный корабль Семеновской дивизии.

– Капитан-командор, в ваши обязанности входит – защита кольца перехода, – объявил Самсонов на встрече с командиром «Афины» Таисией Романовой. – Уходя к Тире-7, я не хочу беспокоиться о прикрытии тыла, поэтому вы остаетесь здесь...

– Господин адмирал, я считаю более разумным использовать мощь моего корабля в наступательной операции, а не в качестве охранения, – недовольно произнесла Таисия Константиновна, которая рвалась в бой и уже планировала свои действия в предстоящем бою с Корделли и Озканом. – Вы прекрасно знаете о характеристиках и возможностях «Афи-

ны». Я бы даже сказала наоборот, не знаете всех ее возможностей... Поэтому настаиваю, чтобы меня включили в боевой состав вашей группы! Оставьте охранять переход кого-нибудь другого...

– За последние несколько суток я начинаю уставать от невыносимого поведения некоторых из моих подчиненных, – нахмурился Самсонов. – Они почему-то считают, что могут указывать главнокомандующему, как ему нужно поступать! Подобное поведение терпимо в мирной жизни, но никак не на флоте, к тому же ведущему боевые действия... Капитан-командор, вам понятно, о ком я веду речь?

– Конечно, на меня намекаете...

– Не только на вас, – вскинул брови Иван Федорович, – но и на вашего дружка-товарища Василькова... Вы оба ведете себя как маленькие избалованные дети, которые абсолютно неуправляемые, и от этого страдают все остальные...

– Хоть убейте, не вижу страдания остальных от действий адмирала Василькова, – пожала плечами Таисия, – пока только одна польза...

– Рассказывайте подобные истории кому-нибудь другому, но не мне, – отмахнулся Самсонов, не желая продолжать неприятную для него тему. – Еже раз повторяю, не переходите черту, за которой вас могут ждать последствия...

– Да за какую черту я захожу, пытаюсь убедить вас взять меня в сражение?! – возмущенно воскликнула капитан-командор, топнув ногой.

– Уже за подобный тон и манеру общения я могу вас наказать, – пригрозил командующий. – Я решаю, кого посылать в сражение, а кого оставлять в тылу, и не собираюсь отчитываться перед вами в своих действиях. Понятно?!

– Зачем же вы тогда меня пригласили на свой корабль?! – спросила Таисия, которая решила ударить из тяжелых орудий. – Распоряжение о том, что «Афина» остается у перехода, можно было выслать по каналу связи, в этом распоряжении нет никакой секретности и необходимости личной встречи. Вы каждого командира корабля приглашаете в кабинет или это только для меня такая честь?

– Я... Я просто, – Иван Федорович был явно застигнут врасплох. – Мне необходимо было обсудить...

– Все с вами понятно, можете не продолжать придумывать на ходу, – остановила его великая княжна, конечно сразу раскусившая этого неудачника-ловеласа. – Если это все, что вы хотели сказать, то разрешите идти?

Девушка, не дожидаясь ответа, щелкнула каблуками и направилась к двери.

– Я был уверен, что вы не согласитесь с данным приказом и мне придется с вами воевать, – адмирал наконец придумал оправдание личной встречи, но Таисия его уже не слушала.

– Начинайте лучше воевать с настоящими врагами, – бросила она через плечо, выходя из кабинета командующего. – И постарайтесь не проиграть им, оставляя не у дел два лучших своих корабля...

Итак, русская эскадра, оставив охранение у перехода, вышла в открытое пространство и взяла курс на столичную планету системы. Именно на орбите Тиры Самсонов и предполагал обнаружить объединенную вражескую группировку Корделли. А где ей еще было находиться, как не в самом эффективном месте с точки зрения контроля «Бессарабии». Раскидай повсюду свои разведывательные зонды, а после сиди и жди, куда двинется враг. А когда замысел этого врага будет понятен, действуй быстро на опережение...

Самсонов хоть лично и не встречался в бою с американским вице-адмиралом, но слышал о нем, как об одном из самых талантливых дивизионных командиров флота Дрейка. Иван Федорович в расчетах исходил из того, что Корделли в очередной раз докажет свой талант флотоводца. По крайней мере, Самсонов на месте американца стоял бы сейчас именно у Тиры-7 и ждал, что предпримет противная сторона.

– Я знаю, ты там вместе со всеми кораблями, – вполголоса говорил Иван Федорович, склонившись над мини-картой системы, и как бы заочно обращаясь к своему противнику. – Сидишь и ждешь подкреплений из «Мадьярского пояса». И они несомненно придут, ты и я это понимаем. Дрейк наверно уже самолично спешит в «Бессарабию», чтобы разрезать Черноморский флот пополам! Но этого я вам сделать не позволю...

Самсонов, пользуясь данными с «Одинокого» об общей численности вторгшегося авангарда противника, правильно

оценил мощь эскадры под руководством Корделли. Гулю и великому князю Михаилу нечего было сказать, только развести руками, когда подойдя на расстояние действия сканеров дальнего обнаружения, они собственными глазами увидели весь американо-османский флот, стоящий на дальней орбите Тиры-7.

Наши подсчитали – на орбите находилось ровно тридцать вымпелов врага. По тем же данным от Василькова, Самсонов не увидел среди этих тридцати, нескольких легких османских кораблей. Видимо слуги султана вовсю продолжали охоту за гражданскими караванами и брали под контроль ближайшие к планете промышленные объекты, то есть попросту грабили систему.

– Что ж, эти несколько галер, которые мы сейчас не наблюдаем и не знаем, где они, в любом случае не смогут изменить ход сражения, – кивнул Самсонов, перепроверя данные по названиям и характеристикам кораблей. – В общем, диспозиция врага видна и понятна – Корделли решил не играть со мной в прятки и догонялки, он будет вести сражение непосредственно вблизи Тиры. Если конечно на него решится...

Иван Федорович, видя, что союзники продолжают оставаться на месте, начал уверенное сближение. Но по мере того, как русская эскадра подходила все ближе к сектору планеты, для командующего Черноморским флотом стали видны новые обстоятельства, существенно нарушившие его пер-

воначальные планы.

Как только позволило расстояние, на сканерах и картах появилась еще одна группа кораблей. Нет, это не была вражеская эскадра, это были несколько сотен больших и малых гражданских судов, согнанные со всей системы на дальнюю орбиту планеты и скученно стоящие в определенных координатах. Самсонов сначала не хотел даже верить в подобную подлость со стороны американцев, либо османов, он не знал, кто являлся инициатором этого. Но затем нашему командиру стало очевидно, что Корделли и Озкан попросту прикрываются гражданскими кораблями...

И действительно если приблизить и посмотреть на трехмерной карте на расположение боевых кораблей союзников и огромного гражданского флота, то хитрость, а вернее подлость со стороны Корделли будет видна очень четко. Американские и османские корабли стояли в самом центре построения, а по периметру все оно было заполнено сотнями гражданских судов – транспортами, лайнерами, даже частными малыми судами и яхтами.

Все было сделано так, чтобы пресечь любую попытку для русской эскадры атаковать. Несмотря на то, что численность противоборствующих сторон была примерно равной, Корделли, по-видимому, сильно опасался гвардейской дивизии Самсонова. Для него лично, да и для всех остальных командиров союзной эскадры стало полной неожиданностью появление в «Бессарабии» 2-ой Семеновской дивизии.

Это ударное соединение, которое, как понимал Корделли, способно прорвать строй любого флота мощью своих дредноутов. Русскую гвардию в открытом сражении, будь-то сами корабли, их палубная авиация или штурмовые команды, боялись самые прославленные американские адмиралы. Благо, что гвардейских соединений в России было не много, но то, что могли сотворить эти корабли в секторе боя, хорошо известно было всем.

Первую такую атаку американско-османская эскадра почувствовала на себе у погибшей русской крепости, и Корделли этого урока хватило, чтобы все для себя уяснить. Он понял, что одного его авангарда явно не достаточно, чтобы остановить 2-ю дивизию русских. А тут еще на радарх Фрэнк замечает идущую рядом с гвардией – 27-ю линейную дивизию Черноморского Императорского флота! Нет, здесь у американцев не существовало шансов на победу...

И долго не думая, вице-адмирал Корделли отдал приказ собрать все находящиеся рядом гражданские корабли в одном месте. Фрэнк гнал от себя мысли, что ему придется стрелять по ним, и старался не думать, как выглядит его дивизия со стороны, прикрываясь от огня русской эскадры мирными людьми. Но страх потерять собственные корабли и провалить всю операцию, для американского адмирала был куда сильнее позора...

Он поделился своими сомнениями с адмиралом-пашой Озканом и тот, не столь щепетильный в вопросе сохранения

лица и чести, сразу поддержал Корделли и приказал своим галерам и истребителям сгонять на дальнюю орбиту Тиры все гражданские суда, какие только можно было отыскать в округе. В итоге рядом с каждым боевым кораблем союзников сейчас располагалось до десятка мирных транспортов, заполненных людьми...

Самсонов скрепя зубами, приказал на время прекратить сближение.

– У нас великолепная позиция, господин адмирал, – воскликнул обрадовано Гуль, появляясь на экране перед командующим. – Враг сам загнал себя в ловушку и потерял инициативу...

– И вы свою инициативу поберегите, а то таким разгоряченным я вас давно не видел, – нехотя отозвался Самсонов, настроение которого было полностью противоположным его комдиву. – Что вы аж подпрыгиваете в кресле?

– А как мне реагировать, если противник настолько глуп, что сам отказывается от маневра, – ответил Аркадий Эдуардович. – Расставив вокруг себя все эти баржи и лайнеры, Корделли уже не сможет выстроиться в боевой порядок и быстро менять его, когда мы атакуем.

– А мы атакуем, вы в этом уверены?

– Разве нет, – Гуль изумленно уставился на Ивана Федоровича. – Господин адмирал, другой такой возможности просто не будет, когда с малыми потерями у нас есть шанс одним ударом уничтожить весь авангард противника!

В словах комдива была доля истины. Самсонов задумался. Действительно, смешавшись с гражданскими судами, Корделли потерял маневренность и уже не сможет среагировать, если наши дивизии ударят сразу с нескольких углов. Но как быть с мирными гражданами? Американцы и в самом деле решили ими прикрываться или это все маскарад?

— Ладно, давайте попробуем их прощупать, — нехотя кивнул Иван Федорович, которому все равно нужно было что-то предпринимать. — Дивизиям разделиться на бригады и начать сближение с четырех направлений...

Русские корабли, рассредоточившись по периметру орбитального роя из сотен кораблей, начали медленно подходить ближе.

— Огонь открывать только наверняка, — предупредил своих капитанов, командующий, хотя сам не знал, как это можно осуществить без того, чтобы плазмой не зацепить мирные суда.

В отличие от русских, американцы и османы открыли бешенный заградительный огонь из всех орудий. Они не могли сосредоточить его на одном или нескольких наших кораблях, так как находились не в построении, а были рассеяны и стояли каждый по отдельности. Но и этого оказалось для атакующей стороны достаточным, чтобы Самсонов дал команду на отход на безопасное расстояние. Ни один русский крейсер и линкор так и не сумел произвести ни одного выстрела в сторону врага, боясь зацепить гражданских. Эти ут-

лые, абсолютно не приспособленные транспортники и лайнеры, могли разрушиться от единственного попадания из палубного орудия, поэтому аккуратность здесь была необходима чрезвычайная.

– Ну и как их теперь оттуда выкуривать? – ударил по приборной доске Самсонов. – Корделли так до второго пришествия может сидеть... Черт, а я ведь еще и своих разделил, чтобы окружить американцев со всех сторон.

Иван Федорович ударил себя по лбу. Он же собственными руками захлопнул для противника возможность отхода...

– Всем бригадам немедленно собраться, – исправил положение Самсонов, в тайне надеясь, что Корделли не выдержит напряжения и начнет отступать...

– Освободите направление на «Мадьярский пояс» – приказал командующий. – Повторяю, маршрут к переходу в систему «Мадьярский пояс» для американцев должен оставаться открытым все это время. Никто в этот сектор не заходит! Гуль, вы что меня не поняли?! А ну убирайте оттуда свои корабли!

– Господин адмирал, но ведь если мы позволим им выскользнуть...

– Именно этого я и желаю, больше всего на свете, – не дал договорить Аркадию Эдуардовичу, Самсонов. – Только так можно надеяться, что они оставят в покое мирное население. Вы сами видите, какими бессовестными методами пользуются наши враги... Сохранение жизней колонистов – наша

прямая обязанность...

– Это неразумно и недальновидно, – Гуль не хотел ссориться со своим командиром, но и сдержать собственных эмоций тоже не мог. – Приоритетом является победа над вражеской эскадрой, господин адмирал, а все остальное не существенно. Если гражданское население пострадает, вся вина за это ляжет на американцев и их союзников...

– Да ты что! – рассвирепел Самсонов. – Ты мне будешь рассказывать о приоритетах!

Иван Федорович хотел было уже окрестить своего комди-ва по матушке, но вовремя опомнился, видя на себе удивленные взгляды офицеров на мостике.

– Успокойтесь, – продолжал Гуль как заправский военный психотерапевт, – Потери среди мирного населения, это неизбежная правда любой войны. Так называемые сопутствующие потери...

– Если сейчас не замолчите, господин контр-адмирал, то войдете в список этих самых сопутствующих потерь одним из первых, – прошипел на Гуля, командующий. – Повторять больше не буду, немедленно убирайте корабли из сектора!

Гуль был вынужден подчиниться, ибо не хотел попасть под горячую руку адмирала. Самсонов в запале мог натворить дел, о чем Аркадий Эдуардович был в курсе, поэтому он благоразумно отвел свою дивизию в общий строй.

– Попытаемся вытеснить их из роя гражданских судов, – Самсонов сообщил новый план действий своим команди-

рам. – Наступаем сомкнутым строем, впереди линкоры и тяжелые крейсера, в кильватере все корабли поддержки... Пошли...

Русские дивизии плотным построением, прикрывая друг друга энергетическими полями, снова попытались приблизиться к кораблям противника. Однако Корделли и Озкан все это время следили за маневрированием противника и были готовы к атаке Самсонова. Американцы, в ситуации немыслимого столпотворения кораблей различных классов, как могли сгруппировались для противодействия наступающим и открыли по ним огонь.

Две русские дивизии продолжали приближаться, несмотря на то, что защитные поля шедших в авангарде нашего строя кораблей, уже «трещали» по швам. Но даже приблизившись на достаточное для ответной стрельбы расстояние, мы так и не смогли эффективно это использовать. Прицельный огонь это не массированный залп из всех платформ. На один наш выверенный, чтобы не задеть гражданских, выстрел, американцы и османы отвечали несколькими десятками. Самсонов понимал, что долго так продолжаться не может и пока энергополя его линкоров и тяжелых крейсеров не обнулились, снова «протрубил» отход...

В эскадре союзников праздновали победу – уже две безрезультатные атаки предпринимали русские, и каждый раз ни с чем откатывались назад. Корделли даже перестал стыдиться своего бессовестного поступка, когда по сути взял в

заложники десятки тысяч мирных людей и спрятался за их спинами. Сейчас на это американцу было плевать. Он сохранил свои корабли и выиграл время. Скоро в системе появятся дивизии поддержки из 6-го ударного флота и тогда русским конец...

– Господин адмирал, Самсонов опять что-то затевает, – старший помощник вывел Фрэнка из приятной задумчивости. – Его эскадра разделилась...

Корделли впялился в экран и через несколько секунд изучения изменившейся обстановки, грязно выругался, в отличие от русского командующего, не особо переживая, присутствуют ли его подчиненные в этот момент рядом или нет.

– Штурманам немедленно рассчитать кратчайший маршрут до межзвездного перехода в «Мадьярский пояс», – тут же приказал он.

Фрэнк отчетливо видел, как одна из дивизий русских, а именно – 27-я линейная, покинула общий строй и начала движение в направлении искомого перехода. Было очевидно, что данная дивизия идет именно к кольцу перехода, а не просто меняет позицию. И что будет со всем американо-османским авангардом, если русские первыми возьмут его под контроль, Корделли объяснять было не нужно. С одной стороны, Самсонов заблокирует его 13-ю дивизию и эскадру адмирала-паши Озкана внутри «Бессарабии», а с другой, контролируя портал, попросту не допустит сюда остальной американский флот. Вот поэтому Фрэнк сейчас так засуетился...

– Дивизию в походное построение! – продолжал отдавать приказы Корделли своим командорам. – Истребители, которые контролируют гражданские суда, пусть возвращаются на свои корабли... Через десять минут доложить о выполнении моих распоряжений...

– Как я понял, мы сматываем удочки, так? – уточнил старший помощник у Корделли.

– Да, Мэт, именно это мы и делаем, – кивнул тот, – К черту эту планету, контроль над ней не так важен... Главное, нужно опередить 27-ю дивизию и первыми прибыть в сектор Мадьярского перехода. Если мы этого сделать не сможем – нам конец!

– Адмирал-паша на связи, – сообщил дежурный.

– Соединяй...

– Что у вас происходит? – Озкан видел, как начала группироваться 13-я дивизия американцев, и сильно забеспокоился. – У русских, напротив нас осталась только гвардия, они не смогут победить...

Похоже, старик Озкан совсем не понимал, что происходит. Фрэнк даже на мгновение пожалел, что Яман Каракурт проследовал в мир иной, он бы сейчас соображал куда быстрее...

– Господин Озкан, нашему авангарду необходимо как можно скорей покинуть орбиту планеты и проследовать в сектор перехода, через который мы с вами сюда попали...

Американцу потребовались как раз те десять минут, ко-

которые он дал своим людям, на то чтобы разъяснить адмиралу-паше сложившуюся очень нехорошую для их всех ситуацию.

– И бросить все то, что мы захватили?! – Озкан больше думал о награбленном, чем о сохранении собственной эскадры.

– Можете тащить данное барахло в виде каравана за собой, – усмехнулся Корделли. – Но тогда я не гарантирую, что русская гвардия вас не догонит и не отберет все это назад, а заодно Самсонов с удовольствием лично отделит вашу седую голову от тела.

Американец почему-то решил, что это норма, когда русский адмирал собственноручно отрезает голову своему врагу. Корделли вообще видел мало различий между османами и русскими, все они были для него варварами, с похожими друг на друга повадками. Единственно, что за русскими Фрэнк признавал – это ум и смекалку, а так – такие же дикари...

– Вы американцы думаете, что все османы идиоты, – прищурился Озкан. – Я не собираюсь ничего отдавать Самсонову, и для того, чтобы он на меня не напал, прихватчу с собой несколько десятков лайнеров с пассажирами... Я прикрою свои корабли живым щитом, если русские такие слабые, что не стреляют, когда рядом женщины и дети.

– Вы истинный сын своего отечества, адмирал-паша, – вставил слово Мэт Рискин, являясь свидетелем разговора двух командующих.

– Благодарю, – слегка наклонил голову старик, решив, что это комплимент.

– Делайте, что хотите, моя же 13-я пойдет налегке, без всякого балласта, – решил Корделли. – И если быть до конца честным...

– Господин вице-адмирал, вызов с русского флагмана, – не дал ему договорить один из офицеров на мостике. – На связи – командующий Черноморским флотом...

Глава 5.

– Думаю, что говорить с вами вице-адмирал о том, почему американские военные корабли находятся в суверенной системе Российской Империи, особого смысла не имеет, – Самсонов хмуро посмотрел с экрана на Корделли.

– Я тоже считаю эту тему несущественной в данную минуту, – попытался вести диалог в подобной же манере, Фрэнк. – Что вы хотели? Я был удивлен, когда мне сообщили о запросе с вашего корабля...

– А мне кажется, что вы даже немного обрадованы этому запросу, – Ивана Федоровича начинала раздражать эта, присущая многим адмиралам и командирам АСР, высокомерная манера общения с представителями других государств.

Ладно умник, сейчас я сотру твою ухмылочку, – решил Самсонов и перешел в наступление.

– Вы прекрасно поняли цель моего вызова, Корделли, – начал он. – Потому как видите, что происходит. Мне, нужно пояснять ситуацию, в которой вы оказались, или пропустить

этот момент и перейти к сути?

Фрэнк понимал, что имеет в виду русский командующий, говоря о ситуации, в которой оказалась эскадра союзников. Все очень просто, несколько часов бездействия и стояния на орбите Тиры-7 для кораблей Корделли вероятнее всего окажутся фатальными. Конечно, он и дальше может прикрываться гражданским населением, но в условиях полной блокады и скорого прихода в систему русских резервов, 13-я дивизия АСР и эскадра Озкана обречены. Надо срочно выбираться из западни, в которую Фрэнк сам себя загнал. Но как это сделать, ведь русская гвардия только и ждет момента, чтобы атаковать?

Поэтому Корделли все-таки стер с лица ухмылку и ответил:

– Диспозицию я вижу превосходно, так что опустим лишние объяснения...

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Самсонов, переходя к сути, – как я понимаю, вы готовитесь идти ускоренным маршем ко, всеми нами известному переходу на «Мадьярский пояс»...

– С чего вы взяли?

– С того, что хоть вы и наглец, но далеко не дурак, – грубо осек американца наш командующий. – Итак, вы собираетесь именно туда, потому как только из «Мадьярского пояса» вам может помочь Итан Дрейк... Но вот незадача, я тоже желаю попасть к данному переходу, и планирую сделать это

первым. Вы это прекрасно можете видеть, наблюдая за одной из моих дивизий, которая в данный момент уже выстроилась в походную колонну и набирает скорость в направлении на «Мадьяр»...

Корделли промолчал, так как спорить об очевидных вещах не имело смысла, русский адмирал знал, о чем говорит.

– Думаете, зачем я повторяю очевидное, – продолжил Самсонов. – Вот зачем. В моей власти приказать 27-ой дивизии, либо увеличить скорость движения к переходу, либо остановиться и пропустить ваши корабли туда, первыми...

Фрэнк удивленно вскинул брови. Во что играет с ним этот хитрец?

– И мой приказ будет зависеть не от собственного желания, а от ваших дальнейших действий, Корделли, – теперь настал черед улыбаться Самсонову.

– Чего же вы от меня хотите? – Фрэнк терялся в догадках.

– Сущей мелочи. Вы вместе со своими союзниками выйдете из скопления гражданских судов и проследуете без каких-либо попыток атаковать меня, в нужном вам направлении. Ни вы, ни османы, не возьмете с собой ни одного корабля, вам не принадлежащего. То есть все гражданские суда, находящиеся на орбите планеты должны остаться в своих координатах. Соответственно, также вашей стороне нельзя переводить на борт боевых кораблей гражданское население в качестве заложников и военнопленных...

– Вы меня оскорбляете? – нахмурил брови Корделли. –

Думаете, американцы такие трусы, что будут прикрываться мирными гражданами, боясь ваших орудий?!

– А что вы делаете в данный момент? – парировал Самсонов. – Разве сейчас brave американские космодоры не спрятались за гражданскими? Хватит строить из себя святош, вы показали кто есть на самом деле, а мы это увидели... Итак, вам понятны условия?

– Они звучат как ультиматум, – сказал Фрэнк, следя краем глаза, как его корабли уже готовятся к выходу. – Разве моя дивизия разгромлена, чтобы вы, адмирал, разговаривали таким тоном?

– Пока не разгромлена, но я обещаю, это произойдет очень скоро, если ваш ответ на мой, как вы правильно выразились «ультиматум», будет отрицательным, – резко отреагировал командующий Черноморским флотом. – В общем, у вас пятнадцать минут на совещание со своими союзниками и окончательный ответ. Если он будет положительным, то я со своей стороны обещаю вам безопасный проход до межзвездного перехода...

– А если ответ вас не устроит?

– Вы не такой глупый, как делаете вид, – хмыкнул Самсонов, – и знаете, что будет...

Корделли ненадолго задумался, а потом снова обратился к русскому адмиралу:

– Если предположить, что мы договорились..., – Фрэнк испытывающее посмотрел на Самсонова. – Ведь я могу га-

рантировать соблюдение нашего с вами договора, только в отношении своих экипажей. Как будут себя вести османские командиры, этого я сказать не могу. Что касается кораблей 13-ой дивизии, я лично обещаю, что они не возьмут с собой ни одного мирного колониста, либо судна...

– Так не пойдет, Корделли, – замотал головой Иван Федорович, которого трудно было обмануть. – Вы являетесь командующим авангарда вторжения и несете ответственность за всех своих подчиненных! Нарушение договора любым из ваших кораблей развязывает мне руки. Мы атакуем вас и не дадим прохода, если подобное случится...

– Но, как я могу поручиться за Озкана?! – воскликнул Фрэнк.

– Это ваши проблемы... Напоминаю, у вас пятнадцать минут, – отрезал Самсонов, отключая канал связи.

– Ну и что нам прикажешь делать, Мэт? – Корделли обернулся к Рискину.

– Плевать на этих османов, пусть русские сами с ними разбираются, – ответил тот, пожав плечами. – Почему мы должны страдать? Мы четко выполняем условия Самсонова, не открываем огонь и ведем себя как невинные дети. Какие к нам претензии?

Корделли почесал голову. Ему уже доложили, что все корабли дивизии сгруппированы и готовы начать движение, но вот османы... Фрэнк четко видел на карте, что Озкан начинает формировать целый караван из гражданских транспор-

тов, очевидно для того, чтобы взять их с собой. Американец еще раз связался с османским адмиралом и постарался переубедить его, не брать русские корабли, но все было бесполезно. Корделли махнул рукой и начал запись обращения к Самсонову. Он не желал больше вести пустых диалогов, поэтому просто переслал на русский флагман следующие слова:

– Вице-адмирал Корделли – командующему Самсонову: «13-я дивизия, принимает условия договора и не намерена первой предпринимать враждебные действия в отношении российских кораблей. Мы покидаем орбиту. Надеемся на добросовестное выполнение вашей стороной всех договоренностей»...

– Теперь ко мне не подкопаешься, – решил Фрэнк и отдал приказание на выход дивизии...

Странную картину можно было наблюдать на больших тактических картах вот уже несколько часов к ряду. Если такое сравнение уместно, то картина была похожа на погоню двух волкодавов за двумя волками, причем в зубах одного из волков находился ягненок, которого он украл из отары. Да сравнение не очень, особенно в отношении ягненка, ну да ладно. В общем, один волк, бежавший налегке, все время соревновался в скорости с одним из волкодавов, кто из них первым добежит до леса. А второй волкодав, наступая на пятки несущего ягненка, волка, пытался его задрать, но никак не мог уцепить того за шею, боясь этого самого ягнен-

ка задеть.

А теперь понятными словами. Самсонов во главе гвардии, искусно маневрируя, все время пытался отсечь османов от американцев и отбить у них караван из гражданских судов. Но как только «семеновцы» обходили Озкана и пытались перерезать маршрут его следования, Фрэнк Корделли останавливал свою дивизию, разворачивал ее в боевой порядок и возвращался назад к союзникам, демонстративно заходя при этом в тыл Самсонова.

Русские гвардейские корабли вынужденно прекращали атаку на османов и снова отходили на безопасное расстояние. В свою очередь 27-я дивизия Гуля, шедшая параллельно американцам, также разворачивалась, угрожая теперь самому Корделли заходом ему во фланг. Иван Федорович уже давно бы дал отмашку на общую атаку, но рядом с Озканом до сих пор находились гражданские корабли. Старый османский лис умело прикрывался мирными людьми и не желал расставаться с десятками транспортов, полных награбленного в «Бессарабии».

Такие догонялки продолжались вплоть до самого перехода в «Мадьярский пояс». Наконей Корделли видя, что спасение близко, сделал выбор в пользу себя и своих людей. Он дал распоряжение 13-ой дивизии – включить форсаж и на максимальной скорости двигаться к порталу. Ему крайне необходимо было первым достичь перехода и взять его под контроль.

Видя, что американцы увеличили скорость, контр-адмирал Гуль приказал своим кораблям сделать то же самое. Однако 27-я дивизия не успела разогнаться, потому, как от командующего Самсонова поступил приказ не обращать внимания на Корделли и возвращаться.

— Как же так?! — возмущенно воскликнул Аркадий Эдуардович, выходя на связь с Самсоновым. — Я успеваю перехватить американцев прямо у таможенной станции, до того как они активируют «врата»! А вы приказываете мне возвращаться!

— В данной ситуации важнее спасти соотечественников, — ответил тот. — Американцы на полной скорости удаляются от своих союзников, а жадный старик Озкан не может поспеть за ними. У нас появляется реальный шанс освободить заложников...

Самсонов оказался прав. Османский адмирал-паша, как только увидел удаляющуюся с радаров его кораблей, американскую дивизию, сильно запаниковал. Он понимал, что в случае очередного нападения русских, его эскадра остается без поддержки 13-ой дивизии, а значит, будет обречена. Корделли уходил к координатам перехода и уже ничем не мог помочь османским кораблям.

Прошло несколько минут тягостных размышления капудана-паши, и на карте он теперь отчетливо видел начавшиеся опасные маневры русских. Две дивизии Самсонова, не боясь нападения американцев, начинали сжимать кольцо окру-

жения вокруг Озкана. Еще двадцать минут и вырваться из него будет попросту невозможно! Адмирал-паша выругавшись, приказал немедленно бросать конвоирование каравана и всем боевым кораблям выходить из опасного сектора. Это было самым правильным решением османского флотоводца...

Эскадра Озкана, бросив на полпути «ягненка», побежала вслед за исчезающими с экранов американцами. Гражданские суда были теперь в безопасности...

Оставив рядом с караваном небольшое охранение, Самсонов погнался вслед за османами. Теперь уже ничто не сдерживало нашего командующего. Все пункты договора в отношении американцев были им выполнены, Корделли был дан зеленый свет и возможность достичь перехода. Но не отбивать переход у американцев, такого уговора не было, и Иван Федорович повел две свои дивизии в данный сектор пространства с намерением это сделать.

Более того, по мере движения наши попытались навязать бой отступающей османской эскадре, договора о ненападении с которой у Самсонова изначально не существовало. Самые быстроходные русские крейсера вышли вперед и начали приближаться к Озкану, медленно миллион за миллионом километров, сокращая дистанцию до возможности открыть огонь. Как только это стало реальным, дальнобойные батареи русских кораблей заработали на полную мощность.

Однако расстояние до османов было еще слишком боль-

шим, чтобы говорить о каких-либо серьезных повреждениях в эскадре Озкана. Корабли адмирала-паши умело маневрировали, затрудняя работу русским канонирам, и в итоге почти без потерь добрались до сектора перехода. Только в самом конце пути, когда радостный паша Озкан уже было праздновал свое спасение, сразу две силовые установки на одном из кораблей его группы прекратили работу.

– Что происходит с «Геке»? – недоуменно воскликнул адмирал-паша.

– Прямое попадание русских, их канонирам сильно повезло, – был ответ дежурного офицера.

– Русским не повезло, если бы «Геке» не плелся в самом хвосте нашей колонны, задерживая всех остальных, – нахмурился Озкан.

– «Геке» получил серьезные повреждения в бою за крепость «Измаил» от крейсера «Одинокый», поэтому и не мог развить скорость, как остальные, – напомнил офицер.

– Не нужно думать, если я старый, то уже забыл, что было двое суток назад, – резко отреагировал Озкан, раздраженный тем, что не знал, как ему сейчас поступить.

Продолжить движение к переходу и бросить «Геке», или развернуть эскадру навстречу русским и начать буксировку своего подбитого крейсера. Потерять один, либо возможно потерять все свои корабли. Старик крепко задумался, ни один, ни второй варианты не оставляли голову адмирала-паши на плечах. Султан Селим в при любом исходе останется

недоволен действиями старого адмирала, что бы сейчас тот не предпринял.

Озкан отчетливо видел, как к «Геке», замеревшему на месте, чьи технические команды пытались вновь запустить двигатели, приближаются русские гвардейские крейсера.

– Коч, что происходит? – адмирал-паша связался с командиром своего крейсера. – Почему ты стоишь, ведь повреждены только две силовые установки, но еще-то две целые...

– Я не могу их запустить, срабатывает предохранительная система, – немного нервно ответил тот, показываясь на экране. – Возникает цепная реакция, которая может вывести из строя все сопла. Пока техники не изолируют повреждения, запустить двигатели не могу...

Последняя надежда Озкана на то, что «Геке» выберется самостоятельно, разрушились. Теперь крейсер нужно было буксировать, а значит возвращаться за ним под огнем русских батарей. И ведь Самсонов после этого уже не даст османской эскадре уйти...

Грустные размышления адмирала-паши были прерваны сообщением от американцев, находящихся уже у перехода. В нем Корделли сообщал, что идет на помощь. Озкан запросил данные со сканеров дальнего обнаружения, и действительно 13-я дивизия, неожиданно для всех, разворачивалась и летела назад на поддержку союзникам.

– Похоже, у «янки» проснулась совесть, – засмеялся обрadowанный Озкан и тут же приказал своим кораблям стро-

иться для отражения атаки русского флота.

На другой стороне Самсонов был не менее удивлен, что Корделли, бросив охранять переход, идет на соединение с османской эскадрой.

– Очень не умно, – покачал головой наш адмирал, – Я же могу теперь в любую секунду перекрыть всем вам кислород. Странно это все...

Тем не менее, главнокомандующий отдал распоряжение о начале атаки османской эскадры, пользуясь тем, что американцам лететь до искомого сектора нужно было еще около часа. Самсонов развернул широким строем две свои дивизии и стал медленно охватывать османские корабли. 25 против 16 хорошее соотношение, даже если учесть, что Корделли подоспеет вовремя, наши уже сумеют пощипать Озкана...

– Черт побери! – выругался Иван Федорович. – Не сметь разрывать построение! Кто там, вперед полетел?

Он посмотрел на карту и увидел как один из кораблей 27-й дивизии, существенно обогнав остальных, идет на сближение с находящимся между двумя противоборствующими флотами, крейсером «Геке». Обездвиженный «Геке» являлся самой легкой мишенью для наших канониров, но сейчас главное было не нарушать общее построение и ударить по врагу одновременно.

– Это крейсер «Меркурий» на котором держит флаг контр-адмирал Гуль, – сообщил дежурный, данные о нарушителе.

– Вот глупец, решил заработать себе быстрый орден за подбитого османа, – стукнул кулаком Самсонов. – Гуль, черт вас раздери, снизьте скорость и дождитесь остальных!

Но Аркадий Эдуардович похоже и в самом деле рассчитывал на получение награды из рук императора, поэтому проигнорировал приказ главкома и продолжил движение в сторону «Геке». Его «Меркурий» открыл огонь по османскому тяжелому крейсеру и начал планомерно выжигать его энергетическое поле.

– Давайте, давайте ребята! – подгонял своих канониров Гуль, приказывая тем максимально усилить огонь, чтобы успеть разделаться с османом до подхода к тому подкреплению. – Нам нужно как можно скорей обнулить его!

Батареи на «Меркурии» работали на максимальных режимах, однако османский тяжелый крейсер пока держался. Более того, его командир сумел с помощью тормозных двигателей развернуться навстречу кораблю Гуля и открыть ответный огонь. Аркадий Эдуардович с тревогой наблюдал, как защитное поле его корабля начинает терять свою мощностъ. Конечно, это тебе не в одни ворота забивать. На то, что осман развернется, Гуль не рассчитывал. Но все же поле «Геке» по всем показателям должно было обнулиться раньше, чем поле «Меркурия».

Что и произошло буквально через минуту. Аркадий Эдуардович победно закричал и теперь с удовольствием принялся наблюдать, как плазма орудий «Меркурия» начинает про-

жигать нимидийскую броню вражеского крейсера.

В этот самый момент по кораблю, на котором находился Гуль, ударили первые выстрелы османской эскадры. Озкан уже был на подходе и открыл огонь из своих дальнобойных пушек, стремясь защитить «Геке».

Ничего страшного, я все равно успею разделаться с ним, — успокаивал сам себя Гуль, понимая, что не только османы, но и адмирал Самсонов совсем скоро будет в этой точке пространства и прикроет его общим наступлением. Аркадий Эдуардович посмотрел на карту и изменился в лице, оказывается русская эскадра не только не шла следом, но сначала замедлила ход, а затем и вовсе остановилась...

— Этого не может быть, — прошептал Гуль, пытаясь лично найти канал связи с командующим. — Почему они не атакуют?!

Контр-адмирал пробежал по кнопкам и только теперь увидел и вспомнил, что самолично выключил связь с остальными нашими кораблями, чтобы Самсонов ненароком не приказал ему возвращаться. Гуль с ужасом посмотрел на количество посланных ему сообщений. Причем с «Меркурием» пытались связаться практически все. Колонка вызовов была на весь экран, а Аркадий Эдуардович об этом понятия не имел.

Он трясущимися пальцами нажал на крайнее из сообщений. Голос одного из каперангов Семеновской дивизии сообщал:

– «Меркурий» немедленно возвращайтесь... Атака отменена... Немедленно возвращайтесь...

Даже не успев понять, что же случилось, Аркадий Эдуардович во все легкие закричал:

– Разворот!

Что же такого произошло, что в корне поменяло планы Самсонова? Адмирал все верно просчитал, и у него была хорошая возможность нанести серьезный урон османам, до подхода к ним американцев. По крайней мере сорок минут превосходящего боя с Озканом, пока Корделли не ввяжется в драку, у наших в наличие имелось. Но и после этого у русской эскадры оставались все шансы одержать победу в этом сражении. Расклад сил был в пользу Самсонова. Противник имел небольшое превосходство в истребительной авиации, но в данной обстановке это особой роли не играло...

Иван Федорович уже просчитал дальнейшие действия, вплоть до того, на какой из кораблей будет направлен огонь того или иного нашего крейсера или линкора. За долгие годы, прошедшие в битвах и стычках, у командующего подобный план складывался в голове в автоматическом режиме, практически как у боевого андроида.

Кстати, надо поближе посмотреть на эту искусственную помощницу Василькова, – вспомнил Самсонов, – Ну не может она быть так хороша, как это описывала Таисия Константиновна. Это же обычный кусок железа...

В этот самый момент Самсонов забыл обо всем. На трех-

мерной карте командующий хорошо видел несколько хаотично развернутый строй адмирала-паши, мчащуюся к нему 13-ю легкую дивизию Корделли, который на своем «Салеме» шел сейчас в авангарде... И тут глазам Самсонова представало то, от чего он немедленно приказал остановить наступление...

Через портал межзвездного перехода из системы «Мадьярский пояс» выходили один за другим новые американские корабли. Вскоре перед «вратами» уже стояла целая эскадра противника...

– Это 10-я дивизия 6-го ударного флота, – доложил Самсонову дежурный офицер. – По штату пятнадцать вымпелов, командующий – вице-адмирал Ловато, флагман – дивизионный авианосец «Саратога»...

«Саратога» это не просто дивизионный авианосец, это сверхавианосец, у которого на борту находилось почти двести истребителей! Самсонов взялся за голову. Адмирал был подавлен, он опоздал и теперь «Бессарабию» уже не отстоять...

– Всем кораблям – назад, – машинально приказал он. – Атаку отменить, мы уходим к Тире.

– Там наш «Меркурий» остался, господин командующий, – напомнил дежурный. – Османские корабли сосредотачивают по нему огонь. Контр-адмирал Гуль по-прежнему не выходит на связь. Что прикажете делать?

– Будь ты неладен, Аркадий Эдуардович, – покачал голо-

вой Самсонов. – Зачем ты вообще полез вперед? Атаковать османский строй всем вместе нельзя – втянемся в сражение, а там американцы подоспеют и тогда мы плотно здесь засядем... Но вытаскивать «Меркурий» из переделки, тоже как-то надо...

– Османы начинают охват нашего крейсера, – продолжал докладывать офицер.

– Выводи «Громобой» из строя, – Самсонов решил на своем линкоре идти на выручку Гулю. – Остальным в бой не вступать, приготовиться покинуть сектор... Попытайтесь еще раз связаться с крейсером. Сообщите: «Меркурий» держитесь, иду на выручку...

Глава 6.

– Аристарх Петрович, оставляю «Афины» под вашим чутким руководством, – Таисия шла по направлению к офицерскому шаттлу, на ходу связавшись по видеосвязи со своим старпомом. – Я хочу совершить визит на соседний крейсер. Думаю, меня не будет около двух часов. Надеюсь по прибытии назад услышать от вас отчет по технической диагностике и исправлении всех неполадок...

Технические команды «Афины» в данный момент были загружены полной проверкой систем и модулей корабля, недавно побывавшего в бою. И пусть сражение было скоротечным и линкор Таисии не получил ни одного повреждения, капитан-командор всегда следила, без сбоев ли работает аппаратура на корабле, нет ли каких-либо проблем и все

в этом духе. Сама чересчур пунктуальная и можно сказать дотошная, она требовала и от своей команды такого же профессионального отношения к делу.

Никогда не повредит перепроверить работоспособность систем, от четкого функционирования которых, зависит жизнь всего экипажа. Да, гвардейский линкор, командиром которого великая княжна стала недавно, являлся одним из самых защищенных и боеспособных кораблей Империи, если не сказать самым защищенным. Мало кто из известных дредноутов мог поспорить в огневой мощи и прочности корпуса с «Афиной». Но Таисия очень хорошо понимала, что это война, и уповать на техническое совершенство корабля, как на панацею, не правильно. И ее линкор может так же легко, как и любой другой, погибнуть в мясорубке очередного сражения.

Поэтому княжна старалась всеми доступными способами увеличить шансы на выживание своего, ставшего ей родным, корабля. И именно поэтому техникам на «Афине» жилось не вольготно, и времени у них на кофе и сигареты было в обрез даже сейчас, когда линкор стоял в охране у перехода на «Тавриду»...

Таисия до сих пор злилась на Самсонова, за то, что тот оставил ее в тылу, как командира какого-то второсортного ржавого суденышка, которое не годится ни на что большее, кроме как нести охранную вспомогательную функцию. И это же надо было, самый боеспособный линкор гвардии оставить

у перехода?! Таисия сжала кулачки и резко выдохнула, вспоминая слова командующего при их последней встрече. То, что в действиях Самсонова в отношении ее «Афины» был некий смысл, девушку сейчас не интересовало.

Ладно, Бог с ним, с этим Иваном Федоровичем, не хочу даже о нем думать, – Таисия силой заставила выкинуть адмирала из головы. – Если уж случилось так, что мне придется сидеть в глубоком тылу, то хотя бы навещу экипаж старого доброго «Одинокого»...

– Понял вас, Таисия Константиновна, не волнуйтесь, проверка систем будет окончена к вашему прилету, – пробасил старший помощник – кавторанг Жила. – Счастливого пути, дочка...

Таисия улыбнулась и отключила связь. Она могла бы и не отдавать всех этих распоряжений в отношении корабля, потому как знала, что Аристарх Петрович и так держит все под контролем. Не обиделась и не оскорбилась она и на такое к себе обращение со стороны своего старшего помощника...

Таисия любила и уважала этого убеленного сединами старого вояку. Аристарх Петрович стал для княжны действительно, как второй отец, всегда беспокоился о ней и был ей самым верным не только помощником, но и старшим товарищем...

Первая встреча Таисии, тогда еще совсем юной девчонки, с капитаном Жилой состоялась во время того самого легендарного приключения шесть лет назад, когда княжна вместе

со своим новым другом Александром Васильковым гонялись по всему космосу в поисках похищенного императора. Эта история требует отдельного внимания, но именно тогда одним из тех людей, кто пришел на помощь Таисии как раз был Аристарх Петрович.

Уже в те годы он выглядел как старый седой морской волк, с огромной бородой и усами и с руками как две кувалды. На своем повидавшем виды, но невероятно прочном каперском фрегате, Жила смело бросился в водоворот событий и очень сильно помог тогда княжне и Василькову. После всех приключений и погонь, когда Таисия уже стала командиром боевого корабля, она вспомнила своего верного товарища и по достоинству его наградила, вернув старика на действительную службу во флот и сделав его своим первым помощником.

Я что, и в этом похожа на Василькова? Ведь это именно его любимая тема – собирать на корабль всех, кого любишь, ценишь и уважаешь, – поймала себя на мысли Таисия Константиновна, садясь в шаттл.

Челнок покинул широкие полупустые ангары линкора и взял курс на соседний крейсер. Подлетая к «Одинокому» Таисия улыбнулась, увидев из кабины пилотов знакомый до боли силуэт. Она провела на «Одиноком» не так много времени, но эти воспоминания остались в ее голове настолько яркими, что корабль девушке стал, как родной. Правда прошло много лет, и вероятно мало кто остался на нем из той старой

команды... Но все равно для Таси этот визит был будто путешествием в прекрасное прошлое – восхитительное и опасное одновременно.

Княжна летела на крейсер не только в порыве ностальгии, она должна была убедиться, все ли в порядке на его палубах в отсутствии Александра Василькова. К тому же она знала, что и старшего помощника капитана – этого андроида, противный Самсонов тоже отстранил от командования, а новый капитан так и не был назначен. Данный беспорядок не устраивал Таисию Константиновну, которая всегда отличалась педантизмом и разумностью. Кто возьмет на себя управление кораблем, если например, в данную минуту произойдет нападение на переход, у которого остались всего четыре наших корабля в качестве охраны. Два из них ремонтируются, «Одинокый» – бесхозный... Что, одна «Афина» будет сражаться?

Когда шаттл вошел в ангар центральной взлетной палубы, и Таисия вышла из него, она с тут же поняла, что оказалась права в своих опасениях. Из старших офицеров «Одинокого» капитана-командора встречала неизвестная ей майор из палубной эскадрильи, которая вообще не должна была этим заниматься.

– Похоже, сегодня я ваш гид по кораблю, ваше высочество, – немного стушевавшись, в несвойственной для себя манере, произнесла Наэма Белло, щелкая каблуками и отдавая честь. – Здравия желаю, добро пожаловать на крейсер...

– Здравствуйте, Наэма, – очаровательно улыбнулась ей в ответ, Таисия. – Нет необходимости в таком официозе... Ни какое я здесь не – высочество, а такой же офицер флота, как и вы.

Наэма удивленно уставилась на княжну. Как это – не высочество? На планере Агра, где Белло родилась и прожила большую часть жизни, почитание правителя и его семьи было делом обычным. Более того, не просто почитание, а обожествление правящей династии, которое впитывалось в каждого колониста с молоком матери. Такова была традиция на планете, и нарушение ее было делом практически невозможным. Соответственно подобное уважительное отношение к правителям, либо членам их семей, распространялось в понимании Наэмы и на другие правящие дома. Сейчас перед ней стояла дочь самого императора Константина Александровича, и наш отважный майор действительно растерялась.

– Я не могу, госпожа, обращаться к вам, как к простому офицеру, – покачала Белло головой, опуская глаза.

Это точно была наша беспардонная и дерзкая до неприличия майор?

– Боже, «госпожа»?! – Таисия быстро подошла к Наэме и обняла ее за плечи, – Никогда так не говорите. Я понимаю, что на вашей родине принято употреблять подобное слово отдельно, но сейчас вы в суверенных системах России и такое обращение является, очень-очень странным... Я слышала о вас, майор, тысячу комплиментов из уст вашего коман-

дира, и давно желала с вами познакомиться...

– Тысячу комплиментов от контр-адмирала Василькова? – сомнение в Наэме перебороло робость перед царственной особой. – Он точно, обо мне, говорил?

– Не знаю, – рассмеялась Таисия, – если есть на «Одинок» еще одна красавица кожи цвета кофейного ликера – командир легендарных «соколов», то может и не о вас...

– О, «кофейного ликера»?! – Наэма открыла рот от удивления. – Не догадывалась, что шеф у нас такой выдумщик...

– Еще какой! – поддержала майора, Таисия и по-дружески обняла. – Я много что о нем могу рассказать... Давай перейдем на ты, если не возражаешь, мне так удобней... Можешь называть меня Тасей...

– Я попробую, но не могу ничего обещать, – в манере робота ответила Наэма, которую уже подхватила под руку ее новая подруга и потащила к лифту.

– Ну, рассказывай, как вы здесь живете...

Белло невероятно смущаясь, проследовала за княжной, пытаясь отвечать на бесконечные вопросы той:

– Орудия? Нет, сейчас главный калибр на батарее стоит в виде спарки из двух стволов... Нет, такого не знаю, наверное я позже пришла служить на крейсер... Да, все стандартно, в военное время эскадрилья усилена до четырех каре, вместо трех обычных... Михалыча? Вы, то есть – ты, про нашего главного техника? Конечно, здесь, куда ему с «Одинок» деться – пропойце! Да я не ругаю его, руки у нашего Миха-

лыча не просто золотые, они бриллиантовые, но сколько раз его можно просить об одном и том же! Сейчас копается с моими истребителями, я его в технический модуль загнала и закрыла там, чтобы не убежал... Ничего не жестко, не выпущу пока он мои МиГи все не залатает... Что если враг нападет, а у меня всего восемь машин в строю!

– А Гинце Густав Адольфович, до сих пор на корабле? – неожиданно вспомнила Таисия еще одного своего старого знакомого.

– Наш профессор? – вздохнула Наэма. – Тоже здесь. Безвылазно сидит у себя в лаборатории и постоянно придумывает что-то... Когда успокоится, не знаю, но чертовски помогает командиру и всем нам... Вот и два дня назад, когда контр-адмирал схлестнулся с «Абдул Кадиром», только изобретение профессора помогло нам справиться с османами...

– Какое изобретение, и каким образом помогло? – сразу заинтересовалась Таисия.

– Слушайте, я не знаю всех деталей, – замахала руками Белло, для которой действительно изобретения Гинце были темным лесом. – Меня это мало волнует... Придумал что-то старик, чтобы нашему кораблю быть незамеченным радарами противника. Вот мы и подошли вплотную к османскому линкору, а его капитан думал, что «Одинокий» – это круизный лайнер... После, вырезали их всех как барашков, в общем тебе наверное не интересно...

– Да, про «вырезали», действительно не очень интерес-

но, – немного покорило Таисию циничная солдатская простота Наэмы. – А вот про изобретение я бы хотела узнать поподробней... Давай, если мы уже и так направляемся на среднюю палубу, заглянем и в лабораторию. Густав Адольфович же там?

– Так точно... Там он ест, спит и отдыхает. А выползает из своей, забитой микроскопами норы, только когда опять что-то новенькое придумает, – ответила Белло.

Две девушки вскоре оказались в центральном коридоре средней палубы и быстро пошли по направлению к лаборатории. Оказалось, что обе они любят быстро ходить. По пути Наэма с удивлением отметила, что многие встречающиеся им навстречу люди, улыбались и приветственно кивали княжне.

– Да вы тут всех знаете, – удивилась майор, – то есть «ты», всех знаешь...

– Я провела на «Одиноком» месяц, – улыбнулась Таисия, – это было очень давно, задолго до твоего прихода... И это бы самый лучший и незабываемый месяц в моей жизни. Многие из тех, кто сейчас проходил мимо нас, тогда уже были в экипаже и я рада их видеть снова...

– Это все хорошо, но если можно, я хотела бы поговорить о нашем командире, – не зная как начать, замялась Наэма, – Его внезапное исчезновение выглядит очень странным...

– Что было сказано в формулировке причин его отсутствия? – уклончиво спросила Таисия, которая конечно знала

всю правду, но говорить ее, ни Белло, ни кому-либо из экипажа «Одинокого» не собиралась.

Во-первых, она дала обещание Василькову, что будет молчать. Контр-адмирал несколько раз повторил, при их последней встрече, просьбу о том, чтобы его экипаж не знал о случившемся. И сделано это было им не без основания. Зная всех этих людей, быстрых на действия, как и их командир, Таисия понимала, что в попытке освободить Василькова они могут наломать много дров. Александр этого не желал и вырвал у своей подруги клятвенное обещание сохранять молчание...

– В официальном разъяснительном послании сообщалось, что адмирал Васильков отбыл на другой космический объект по распоряжению командования, – сообщила Наэма. – Но, это все как-то странно... Даже если учесть, что командир получил какое-то задание, тогда почему он хотя бы ненадолго не вернулся на борт? Куда такая срочность, что человек даже не смог взять личные вещи... А потом приходит второй приказ, в котором наша старпом отстраняется от всех видов управления кораблем. Еще не лучше, теперь что, я да Дорохов, получается, остались за главных? Чушь какая-то!

– Да, непорядок, – кивнула Таисия, кося под дурочку, – и это необходимо срочно исправлять.

– Я вот думаю, – протяжно начала Белло, – не связано ли все это с действиями контр-адмирала Василькова во время сражения...

Наэма подозрительно посмотрела на новую подругу, но та, когда открылась дверь в лабораторию, уже обнималась с Гинце.

– О сдрафстфуй, моя маленькая принцесс, – обрадовано заговоркал старик, исцелованный Таисией. – Как я рад, как я рад!

Наэма даже на время забыла, о чем спрашивала княжну, так удивилась их нежным объятиям. Похоже, ее императорское высочество действительно здесь была своей в доску. Белло заулыбалась, наблюдая, как Гинце оживился. Было видно, что старик очень любит эту девушку и знает ее очень хорошо.

Майор, оставив обнимающихся наедине, прошла в лабораторию и стала с умным видом ее исследовать. Но тут же была остановлена окриком Густава Адольфовича, который зорко охранял свои владения от проникновения чужаков.

– Да, не трогаю я у вас здесь ничего, – ответила Наэма, когда профессор уже начал было ее прогонять. – Было бы что ценного...

– Пойдемте в офицерскую кают-компанию, – предложила выход Таисия. – Густав Адольфович, отвлекитесь немного от своих опытов... К тому же расскажете мне о вашем новом изобретении, которое, как я слышала, так помогло в противостоянии с кораблями противника...

Они все трое направились в офицерский модуль, расположенный совсем рядом, на той же средней палубе. Войдя в ка-

ют-компанию, Таисия увидела странную картину. За одним из столов сидели молча друг напротив друга: маленькая рыжеволосая девочка и огромного роста и устрашающего вида морской пехотинец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.